

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ: ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Д.Б. Тев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>

Аннотация. В статье рассматривается связь социально-структурных характеристик региональной политико-административной элиты с ее инновационным потенциалом и ролью в развитии общества. Актуальность и значимость данной проблемы обусловлены необходимостью для властных группы адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства (особенно в условиях кризиса), тем самым позитивно воздействуя на развитие региона и страны. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, собранных по десяти субъектам Российской Федерации. База данных включила сведения о дате и месте рождения, типе и месте образования, карьерном пути и других характеристиках 936 представителей региональных политической и административной элит. Метод исследования можно определить как структурно-биографический, поскольку изучалась структура региональных властных элитных групп в связи с биографией их членов. Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов, касающихся человеческого капитала властных персон, возможного влияния социально-структурных харак-

¹ Статья написана в рамках проекта «Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества» Комплексной программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Мировоззренческие, социально-политические, правовые, психологические и духовно-нравственные факторы развития современного российского общества».

теристик региональных элит на их политическое поведение, инновационный потенциал и роль в функционировании и развитии общества. Существенными тенденциями рекрутирования властных групп являются олигархизация (что связано с сужением бассейна рекрутирования), профессионализация (что, однако, не связано с возможной их эффективностью) и плутократизация, которая может снижать ориентацию на инновационное развитие. Одновременно институционализация региональных элит достигает высокого уровня. В целом, можно утверждать, что инновационный потенциал региональных политико-административных элит невысок. Вместе с тем, отчетливо выражена региональная дифференциация элитного сообщества. Выявленные характеристики региональной административной элиты представляются более благоприятными для позитивного развития регионов.

Ключевые слова: элиты, властные группы, институционализация элит, инновации, инновационный потенциал, биографии, структурно-биографический метод, рекрутирование, олигархизация, плутократизация.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Инновации стали важной характеристикой состояния общества и его перспектив. Как указывают исследователи, «инновационное развитие в последние годы становится едва ли не единственным выходом из состояния кризиса, технологической отсталости, бедности, дефицита ресурсов, экологического неблагополучия, а также существенным конкурентным преимуществом в борьбе за геополитическое лидерство» (Селезнев 2015: 14). Положение России по сравнению с другими странами не столь обнадеживающее. Если по «Инновационному индексу Блумберга» место нашей страны достаточно неплохое — 14-е (The Bloomberg Innovation Index 2015), причем наша позиция во многом связана с унаследованной еще с советских времен системой массового образования, то индексы других аналитических центров фиксируют иное. В соответствии с «Глобальным инновационным индексом» наша страна находится на 48 месте (Cornell University, INSEAD, WIPO 2015: xxx). В «Социальном инновационном индексе» Россия занимает 30-место (Old problems 2016: 11, 39). «Американо-израильский инновационный индекс», показывающий инновационное сотрудничество, устойчиво ставит Россию на последнее место (The U.S.-Israel Innovation Index 2016).

Традиционно считается, что властные элиты достаточно существенно влияют на развитие общества. Они могут (а нормативно —

должны) быть субъектами модернизации (Гаман-Голутвина 2007: 22–38)¹. Более того, именно они выступают инициаторами инноваций в обществе, что считается, чуть ли не панацеей. Резоны в этом есть, но и преувеличений достаточно. Имеются значительные ограничения инновационной активности. Часть этих ограничений связана с факторами, носящими макрокультурный характер. Обществоведческая традиция, восходящая к классическим исследованиям М. Вебера, трудам И.Г. Гердера и Ш. Монтескьё, А. де Токвиля, достаточно убедительно это демонстрирует.

Вместе с тем, властные группы, как показывают исследования в разных странах, культурно несколько отличаются от основной массы населения в сторону своей большей «прогрессивности» — открытости к демократическим изменениям и новым формам социального и экономического взаимодействия². Однако, есть свидетельства и обратного свойства (Fletcher 1989). Существенным может оказаться контекст угрозы положению элиты (McClosky 1964). Необходимо подчеркнуть, что, как утверждает О.В. Гаман-Голутвина, демократия тесно связана с инновационностью (Гаман-Голутвина 2006: 42).

Наряду с культурными основаниями важное значение для формирования инновационного пути развития страны исследователями придается наличным ресурсам (финансовым, временным, интеллектуальным, внешнеполитическим и т.п.) (Гаман-Голутвина 2006: 33, 34) и «демократическим формам организации общества» (Гаман-Голутвина 2006: 42). Противоположностью этому типу развития выступает мобилизационный (Гаман-Голутвина 2006: 35). Соответственно, властные группы, могут ориентироваться на тот или иной тип развития. Однако, контекст и историческая траектория влияют на активность элит. В России мобилизационная модель доминирует, но это не является фатальным. О.В. Гаман-Голутвина вслед за Лоуренсом Харрисоном (Harrison

¹ Часть авторов основным агентом инновационного развития полагает государство (см., например: Примаков 2014). Но основным «собственником» государства или, по крайней мере, его «управителем» являются элиты.

² Первая важная работа: (Stouffer 1955). Пересмотр результатов этого исследования и соответствующую дискуссию см.: (Jackman 1972; Saint Peter, Williams, Johnson 1977). Сравнительные страновые исследования см.: (Хоффманн-Ланге 2012; Miller, Hesli, Reisinger 1995; Miller, Hesli, Reisinger 1997; Miller, Reisinger, Hesli 1998; Сафронов 2009; Сафронов 2008 и др.).

2000) называет отличительные черты культуры, способствующей динамичному развитию общества: нацеленность на будущее, труд и успех, бережливость, образование, поощрение способностей, общественная солидарность, строгость этических норм, справедливость и честность, рассредоточение власти, секуляризм (Гаман-Голутвина 2012: 23–40). Правда Л. Харрисон всё же большое значение придает религиозным основаниям культуры, которые в современности существуют уже в снятом (в гегелевском смысле) виде. Причем, способствующими прогрессу и инновациям являются иудаизм, конфуцианство и протестантизм (Харрисон 2016). Очевидно, что даже и без «прогрессивного» религиозного фундамента у нас в стране возникают проблемы с целеполаганием и направленностью деятельности элит. Как несколько раньше отмечала исследовательница, «глубокий индифферентизм современной элиты к идее развития поистине катастрофичен» (Гаман-Голутвина 2007: 25). О.В. Гаман-Голутвина полагает, что нынешнее состояние отечественных элит можно определить как пост-имперское, характеризующееся потерей пассионарности («имперская элита устала от имперского бремени» (Гаман-Голутвина 2012: 32)). Но одновременно российские элиты стали номадическими, потерявшими в значительной мере связь со своей территорией, а увязывающими свое существование с глобальными процессами и глобальным сообществом (Гаман-Голутвина 2012: 33). Окончательный диагноз: «недостает одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража» (Гаман-Голутвина 2012: 38). Выход из нынешней российской ситуации находится в институциональной трансформации, а «архимедовым рычагом выступает фактор эффективного лидерства, создающего эффективные институты» (Гаман-Голутвина 2012: 39).

Вместе с тем, присутствует и несколько иная точка зрения, хотя посылки и выводы кажутся сходными. Президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов в выступлении на секции «Новая элита России» форума «Стратегия-2020. Новая тактика», прошедшего под эгидой «Единой России», призывая к мобилизации российских элит, указывает на такие черты «правлящего слоя» как, во-первых, «короткий горизонт сознания», под которым имеет в виду «короткий горизонт целеполагания, целеориентации»¹. Он связан, главным образом, с пол-

¹ Об этом же, но несколько иначе интерпретируя основания и причины, писал А. Неклесса (Неклесса 2008).

ным отсутствием склонности к мышлению в надличностных категориях». Во-вторых, «фетишизм в отношении к деньгам и предметам потребления». В-третьих, «провинциализм. Российский истеблишмент воспринимает интеграцию в западную элиту как самоцель». Как выход — «вместо манифеста о вольности дворянству нам нужен пакт о закреплении элит». Субъектом мобилизации, по мысли аналитика, может быть только институт президентства (Ремизов 2009). Таким образом, вектор развития ставится в зависимость от личных усмотрений и персональных особенностей высшего должностного лица. Об амбивалентности такого варианта писала Гаман-Голутвина: «конечно, режим В.В. Путина, выстроенный в формате «вертикали власти», значительно более эффективен, нежели режим Б.Н. Ельцина, выстроенный в формате «системы сдержек и противовесов». Все зависит от того, какие цели ставит перед собой власть» (Гаман-Голутвина 2007: 35). Цели же, помимо контекста и ситуации, в значительной степени определяются культурой.

В этом отношении нормативное регулирование, на которое указывают исследователи (см., напр.: Кашаев 2011; Кисуркин 2012), безусловно, имеет важное значение для инновационной активности. Однако оно всё же является вторичным по отношению к инновационной устремленности властных групп. Они регулируют и определяют то, что для них оказывается существенным. Тем более, что, как справедливо отмечает Элеонор Глор, инновации идеологически мотивированы (Some Thoughts 1999).

Предполагаемые некоторыми исследователями условия осуществления элитой своей инновационной миссии оказываются важными, правильными, но декларациями. Например: «успешная инновационная модернизация недогоняющего типа на основе широкой солидарности — между властью, активными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на духовные, культурные и «миростроительные» ценности восточно-христианской цивилизации, может стать вкладом России в теорию и практику современного развития, может оказаться важнейшей предпосылкой для «российского чуда» — трамплином в сообщество стран-лидеров» (Окара 2009: 254, 255). Трудно сомневаться в истинности такого рода суждений, но возникает проблема в их верификации, эмпирической проверке.

На индивидуальном уровне особенности элитных персон, способствующие инновационной активности, в психологии связывается

с трансформационным лидерством. Первоначально (Martin 2016) этот термин появился в книге Джеймса Даунтауна, исследовавшего феномен харизмы и его влияние на религиозное лидерство (Downton 1973). Через несколько лет Джеймс Макгрегор Бёрнс при анализе политических лидеров ввел важные термины «транзакционное лидерство» и «трансформационное лидерство» (Burns 1978). Именно его работу Бернард Басс, с чьим именем связывают построение и развитие теории трансформационного лидерства, указывает как начальную для концептуализации данной идеи (Bass 1999: 9). В поздней работе указывается еще один источник вдохновения — теория харизматического лидера Роберта Хауса (Bass, Riggio 2006: xi). Это не случайно, поскольку в теории упор делается на личных качествах лидера, которые определяют стиль взаимоотношения с последователями / подчиненными и стиль управления.

В условиях авторитарной системы управления (в рамках изолированного института или всего общества) индивидуальные характеристики оказываются решающими. Особенности социализации лидера, его индивидуального становления, отличие от «стандартного» пути включения в социально-управленческий мир может способствовать выходу за рамки устоявшейся «правильной» системы функционирования институциональных порядков. Так, например, часть историков считает, что одним из существенных факторов, предопределивших направленность и радикальность реформ в начале XVIII века, было исключение Петра Алексеевича из «культурной среды, которая в прежние времена «лепила» царевичей». Выпав из традиционной образовательной православной среды и не обучившись толком грамоте, молодой царь оказался податлив иной культурной модели, европейско-протестантской, что и сказалось на его инновационно-реформаторской деятельности (см., напр.: Анисимов 1995: 7, 8).

В условиях системы с дисперсной властью, когда в силу социально-экономической диверсификации и политической плюрализации происходит мультипликация (суб)элитных групп (Манхейм 1994: 314. В этом же контексте см.: Riesman 1953; Dahl 1958; Dahl 1961), персональные особенности сглаживаются. Существенным являются общие социализационные характеристики большинства. Об этом специально будет сказано ниже.

В связи с этим большое значение приобретают агрегированные особенности властных групп. Г.К. Ашин указывал на важные характери-

стики элиты, связывая их с ее рекрутированием: «качество элиты зависит от способов ее рекрутирования, от того, насколько элита «прозрачна», открыта для наиболее активных, образованных способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества» (Ашин 1998: 90). Это существенно для понимания того, как и какие персоны входят в элитное сообщество. И, безусловно, это важно для понимания того, насколько элитные персоны и элитные группы готовы к новому или могут ориентироваться на инновационную активность.

В данном тексте мы подробно не останавливаемся на самом феномене инновации. В литературе существуют достаточно хорошие обзорные тексты, посвященные истории концептуализации и исследования самого явления (см., напр.: Pierce, Delbecq 1977; Быстрова и др. 2008: 99–117; Oeij, Dhondt, Korver 2011; Edison, Ali, Torkar 2013: 1390, 1391, 1394–1395; Социальный потенциал инновационного развития... 2014: 10–38; Dino 2015: 140, 141; Сунгуров 2015: 14–50. Также см.: Some Thoughts 1999).

Мы оставляем в стороне очень важный аспект инноваций, связанный с экономической активностью акторов самого разного уровня. Традиция, идущая от Г. Тарда и Й. Шумпетера, справедливо делает акцент на предпринимателе как центральном агенте экономического развития. Однако, в условиях, хотя и не командной системы, но, в значительной мере, политико-административно определяемой, роль элитных групп чрезвычайна. Тем более, что инновация не сводится лишь к новшествам в экономике и технике.

Мы утверждаем, что не только культура имеет значение, но и структура имеет значение. Более того, структура и культура находятся в комплементарном единстве. В исследовательской литературе показывается, что персональные характеристики членов групп доминирования, которые в агрегированном виде выступают структурными характеристиками элитных сообществ, оказывают существенное влияние на их политическую и управленческую культуру. Это, в свою очередь оказывает воздействие на функционирование институтов и формирование политического режима.

ИССЛЕДОВАНИЕ

В рамках реализации нашего проекта основное внимание было уделено инновационному потенциалу региональных властных элит. Акту-

альность и значимость данной проблемы обусловлены необходимостью для инстанций принимающих важнейшие решения адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства (особенно в условиях кризиса) и тем самым позитивно воздействовать на развитие региона и страны. Осуществить это вне поиска нового и открытости этому новому невозможно. Однако сама инновационность элит является проблемой для их функционирования. Это в некотором смысле противоречие их существования. Элиты находятся внутри социально-экономической и политической системы. Более того, их существование связано с сохранением и стабилизацией существующих социальных порядков. И они, вместе с тем, должны подвергать эти порядки сомнению. Баланс новаторства и консерватизма создает динамическое равновесие, которым и характеризуется сфера принятия решений в социально успешных обществах.

Оценка инновационного потенциала невозможна без анализа социально-структурных характеристик властных групп. В рамках этой задачи был проведен анализ биографических, включая карьерные, данных, собранных по десяти регионам России на 2015 год. Он позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся человеческого капитала властных персон, возможного влияния социально-структурных характеристик региональных элит на политическое поведение властных групп, их роли в функционировании и развитии общества. Для анализа динамики социально-структурных характеристик сделано сравнение с данными, полученным в 2009 году, по шести регионам. Данный текст представляет собой первую часть публикации по инновационному потенциалу региональных элит анализируемых регионов.

Ранее нами была разработана идеально-типическая модель инновационной элиты, включающая на индивидуальном уровне персональные характеристики, благоприятствующие принятию и поддержке новаций в политической, социальной и экономической сферах (см.: Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008). При этом региональные элиты выступают агрегированным агентом социальных действий, что связано с институциональным характером их функционирования. Модель включает социально-психологические характеристики индивидов, социализационные характеристики, индивидуальные психологические характеристики и структурные характеристики элиты как социальной группы. Конечно, надо иметь в виду, что отдельные члены элитного сообщества могут существен-

ным образом повлиять на элитную активность, что связано с их персональными лидерскими характеристиками. Однако мы здесь мы рассматриваем и анализируем усредненные характеристики, свойственные региональной элите в целом, как корпоративному актору инновационной активности.

В определенной степени можно определить наш метод исследования как *структурно-биографический анализ*, имея в виду, что изучалась структура региональных властных элитных групп в связи с биографией их членов. Таким образом, генетико-динамическая составляющая бытования (и анализа) региональных элит рассматривалась в качестве необходимого элемента. Внутренняя первичная дифференциация основывалась на позиции персон в структурно-функциональных секторах социального управления. Источником информации послужили справочники, материалы СМИ, официальные сайты правительств и Законодательных собраний десяти регионов (Санкт-Петербург, Москва, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская, Новосибирская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан), сайт Государственной Думы и Совета Федерации, а также и другие интернет-ресурсы. Первоначально создавались полнотекстовые файлы с биографической, деловой, политической и социальной информацией по каждому представителю региональной элиты. Затем информация упорядочивалась и структурировалась в персональных файлах, представляющих собой анкеты. После этого происходила кодировка и ввод данных для статистической обработки в пакете SPSS. Помимо машинной обработки формализованных данных, осуществлялся и анализ индивидуальных карьер на основе неформализованных биографических данных.

Было собрано, закодировано и введено в базу данных 936 анкет (табл. 1).

Представленность генеральной совокупности достаточно высокая. Политики охвачены на 100 процентов, высшие администраторы в зависимости от региона от 70 до 100 процентов. Объясняется это большей доступностью информации о политиках в силу большей публичности депутатов и различной степенью закрытости правительств. В одних случаях это объясняется персональным стилем высшего должностного лица субъекта федерации. В других — опасением утечки потенциально «вредной» информации или просто безразличием к «под-

Таблица 1

**База данных по региональной политико-административной элите
(человек)**

Регион	Элитная группа		Итого
	администраторы	Политики*	
Санкт-Петербург	30	62 (50)	92
Ленинградская область	46	57 (50)	103
Ростовская область	37	67 (51)	104
Калининградская область	32	46 (41)	78
Костромская область	37	40 (34)	77
Хабаровский край	28	35 (27)	63
Москва	84	65 (36)	149
Новосибирская область	36	83 (74)	119
Ставропольский край	0	50 (50)	50
Республика Дагестан	0	101 (90)	101
Итого	330	606 (503)	936

* Дается общее число депутатов представительных органов власти субъектов РФ, депутатов ГД от данных субъектов и представителей в СФ. В скобках указано сколько из них депутатов региональных legislatures.

властному» населению и его информированности. В выборку попали не только собственно региональные депутаты, но также депутаты Федерального Собрания от регионов. В ряде случаев количество элитных персон превышает число элитных позиций. Это связано с тем, что за время сбора первичной информации часть наших «подопечных» меняла свои позиции, умирала.

Остановимся на некоторых важных характеристиках региональных элитных сообществ. Необходимо отметить, что выделяемые нами факторы являются до некоторой степени формальными и иногда взаимно несогласующимися. Конкретная ситуация, социально-экономический и политический контекст оказывают сильное влияние. Это надо иметь в виду при приложении данной модели к реальности. В этом отношении было бы важным дополнением исследование с использованием качественных методов.

В данном тексте будут рассмотрены следующие характеристики региональной политико-административной элиты: возраст, политические поколения, место первичной социализации, образование, карьерные траектории.

1. Возраст

Возраст, как отмечается многими исследователями, является существенным показателем predisposedности к открытости, новому, инновациям (Аношкина, Резванов 2001; Советова 2010; Буянова 2014). Причем, в возрастной группе 30–39 лет наблюдается максимальная ориентация на инновации, а среди персон после 40 лет снижается доля ориентированных на инновацию, усиливается доля консервативно ориентированных лиц, особенно выраженная в группе 50–59 лет. Естественно, что возраст является одним из факторов predisposedности к инновациям. Исследования показывают, что на принятие новшеств более серьезно влияют персональные психологические характеристики, такие как, например, ригидность (Carbon, Schoormans 2012).

На рис.1 показано возрастное распределение нашей выборки.

Как видно, разброс достаточно большой: от 27 лет до 90. И, конечно, его дает депутатский корпус. Понятно, что достичь значимых позиций

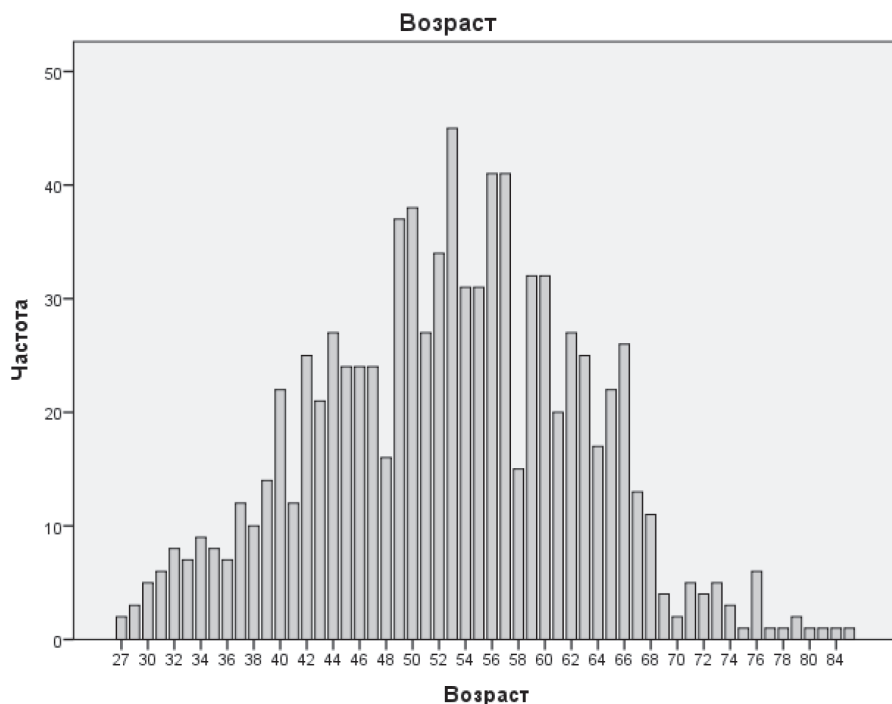

Рис. 1. Распределение элитных персон по возрасту. N=889

в администрации в молодом возрасте не так просто — необходимо время, чтобы дослужиться. Также у бюрократов существует и предельный возраст службы в отличие от политиков. В таблице 2 представлено распределение по возрастным категориям у администраторов и депутатов.

Таблица 2

**Распределение элитных персон по возрастным группам
(в процентах*, N=889)**

Элитная группа	Возрастные группы		
	39 лет и младше	40–59 лет	60 лет и старше
Администраторы	15	70	15
Политики	8	61	31
Всего	10	64	26

* Округлено.

С точки зрения ориентации на инновации политики проигрывают бюрократам. Однако необходимо сказать, что если иметь в виду возрастную группу, в которой в наибольшей степени присутствуют консервативные диспозиции (50–59 лет), то здесь у политиков ситуация несколько лучше: 36% против 42% у администраторов. Члены элитного сообщества старшей возрастной группы (60 лет и старше) в массе своей имеют умеренную диспозицию (энергии активно сопротивляться новшествам у них меньше, чем у более молодых).

Соотношение возрастных групп в элите исследуемых регионов очень различное (табл. 3). В части регионов преобладание среднего возраста в политико-административной элите может создавать определенные трудности в реализации инновационных проектов.

Благоприятным для внедрения новшеств можно считать такое соотношение возрастных групп, когда потенциально консервативная группа абсолютно не доминирует в элитном сообществе, а группа с инновационным потенциалом может влиять на принятие решений и их реализацию. Помимо этого, необходимо, чтобы соотношение между двумя секторами элит позволяло проводить инновации и контролировать их проведение. Перевес какой-либо группы в регионе может служить источником внутриэлитной напряженности или конфликта.

Можно предположить, что часть регионов находятся в зоне низкого инновационного потенциала в силу понижающего возрастного фактора. Это, прежде всего, Ростовская и Ленинградская области, Республика

Таблица 3

**Распределение региональных элит по возрастным категориям
(в процентах*, N=936)**

Регион / Субъект РФ	Элитная группа	Возрастные категории		
		39 лет и младше	40–59 лет	60 лет и старше
Санкт-Петербург	Администраторы	17	59	24
	Политики	2	58	40
Ленинградская область	Администраторы	9	80	11
	Политики	5	63	22
Ростовская область	Администраторы	3	90	7
	Политики	3	55	42
Калининградская область	Администраторы	16	78	6
	Политики	7	78	15
Костромская область	Администраторы	16	67	17
	Политики	17	58	25
Хабаровский край	Администраторы	18	68	14
	Политики	0	46	54
Москва	Администраторы	20	66	14
	Политики	12	52	36
Новосибирская область	Администраторы	11	58	31
	Политики	14	59	27
Ставропольский край	Администраторы	-	-	-
	Политики	14	59	27
Республика Дагестан	Администраторы	-	-	-
	Политики	6	70	24

* Округлено до целых.

Дагестан. В последнем случае «отягощающим» фактором выступает социальная структура и социальные отношения, во многом имеющие основания в традиционном обществе.

2. Политические поколения элиты

Помимо психофизиологического возрастного фактора необходимо иметь в виду Социальное время, в которое происходит социализация индивидов, может оказать кардинальное воздействие на характер ими оценки ситуации в стране, способы и направленность их действий. В российском обществоведении существует несколько подходов к вы-

делению поколений (см., напр.: Левада 2001; Политическая социализация 2008). В данном исследовании мы опираемся на идеи Н.А. Головина, выделившего восемь политических поколений в советский и постсоветский период на основании наиболее существенных социополитических событий, повлиявших на социализационный процесс индивидов (Головин 2004: 119-147). В нашей работе релевантными оказываются пять выделяемых им поколений (табл. 4).

Таблица 4

**Политические поколения политико-административных элит
(в процентах, N=889)**

Элитные группы	Политические поколения				
	Военное поколение (1919–1933 гг.)	Поколение оттепели (1934–1952 гг.)	Поколение застоя (1953–1964 гг.)	Поколение перестройки (1965–1971 гг.)	Поколение кризиса (1972–1990 гг.)
Администраторы	0,4	12,9	48,6	19,0	20,1
Политики	0,3	25,1	43,5	18,2	12,9
Всего	0,3	20,9	45,1	18,4	15,2

С рассматриваемой здесь перспективы в наибольшей степени воспринимающими новое могут оказаться персоны, на социализацию которых повлияла Оттепель и Перестройка. Как видно, таких оказывается не так мало. Можно ожидать, что открытость и ориентация на новизну у части политиков и администраторов из этих поколений в определенной степени актуализируется. В этом отношении то несогласование потенциального действия различных факторов, о котором говорилось выше, здесь наглядно проявляется. В данном случае это возраст членов элитного сообщества и принадлежность их к политическим поколениям.

Региональная дифференциация достаточно большая. «Дети оттепели» значительно представлены в элитах Хабаровского края (33%), Ростовской области (26%), Санкт-Петербурга (25%). Минимально — Калининградской области (10%), Дагестане (17%). По 19% в Москве, Ленинградской и Костромской областях. Доля перестроечного поколения существенна в Калининградской области (33%), Ленинградской области (24%) и Костромской области (23%). Значительно ниже среднего показателя — в Москве (10%), Санкт-Петербурге (11%) и Хабаровском

крае (14%). Полученные характеристики групп доминирования субъектов федерации демонстрируют возможную разнонаправленность внутри элитного сообщества представленных регионов. Вместе с тем, два региона, в которых доля поколения застоя выше среднего присутствуют в списке с потенциально негативным действием возрастного фактора. Это Дагестан (51%) и Ростовская область (50%). Обгоняет их только Санкт-Петербург (54%). Консервативная политика властей последнего достаточно известна.

3. Место первичной социализации

Карл Манхейм, анализируя элиты модернизирующегося общества, указывал на изменение соотношения коренных и мобильных элементов. Первый, связанный с сельской местностью, ориентирован на локальность, традицию, почву. Второй, городской, — на ценности, противостоящие локальности, на интернациональные связи. С этим связаны культурные внутриэлитные конфликты (Манхейм 1994: 318–320). Исследователями показано, что место первичной социализации может иметь важное значение. Установки членов элитного сообщества в том числе зависят от того, в какого типа населенном пункте вырос индивид (Miller, Timpson, Lessnoff 1996: 238, 269–271).

В нашем исследовании мы исходили из того, что место рождения большей частью является и местом первичной социализации. Исключения статистически малы. По результатам сравнения данных за 2009 г. и 2015 г. можно заключить, что сохраняется значительная доля членов элитного сообщества, прошедших первичную социализацию в малых городах или сельских населенных пунктах. В целом по выборке это больше половины, колеблясь от 20% в Санкт-Петербурге до 98 % в Дагестане. Если же взять только село, то в Санкт-Петербурге 7 % бывших сельских жителей среди элиты (все сосредоточены в политическом сегменте, среди администраторов таких не оказалось), в Дагестане — 69 %, по выборке — 45 %. Выше доля этой категории среди политиков по сравнению с администраторами (табл. 5). Очевидно, что дифференциация регионов по урбанизации и укорененности городской культуры различна. Первичная социализация, согласно психологическим и социологическим исследованиям, оказывает сильное воздействие на позитивное восприятие нового и готовность к социальным экспериментам. Этот фактор дифференцирует (статистически) предрасположенность к консервативным и новаторским решениям и действиям.

Таблица 5

**Место рождения политической и административной
региональной элиты (N=580)**

Элитная группа	Размерность	Место рождения: Столичные и нестоличные города			Итого
		Столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	Нестоличные города	Село	
Админи- страторы	Частота	51	57	65	173
	% в Элитной группе*	29	33	38	100
Политики	Частота	74	137	196	407
	% в Элитной группе*	18	34	48	100

* Округлено до целых.

Возраст элитных персон связан с местом первичной социализации. Это, с одной стороны, достаточно банально. Процесс урбанизации продолжается. Тем более, что именно города дают образование, которое в дальнейшем позволяет продвигаться в политико-административной сфере. С другой стороны, как показало одно наше предыдущее исследование, периферийная амбициозность является сильным фактором продвижения вверх (Дука 2011), что косвенно может быть связано с большей предрасположенностью к изменениям.

Примечательно, что среди депутатов больше уроженцев сельской местности, чем среди бюрократов. Если брать поколенческие различия, то и у администраторов, и у политиков рубежом изменения соотношения родившихся в малых городах и селах с теми, кто родился в столичных городах и областных центрах является середина 1960-х годов. Перестроечное поколение администраторов и последующее на 9% меньше в своем составе имеет уроженцев социальной периферии, чем предыдущие поколения (43% против 52%). У депутатов произошли еще большие изменения: 51% против 68%.

Среди регионального политико-административного элитного сообщества младшей возрастной группы уроженцы села — исчезающий вид (рис. 2).

Происходит существенное изменение бассейна рекрутирования региональной элиты. Он сужается, уменьшаются возможности попада-

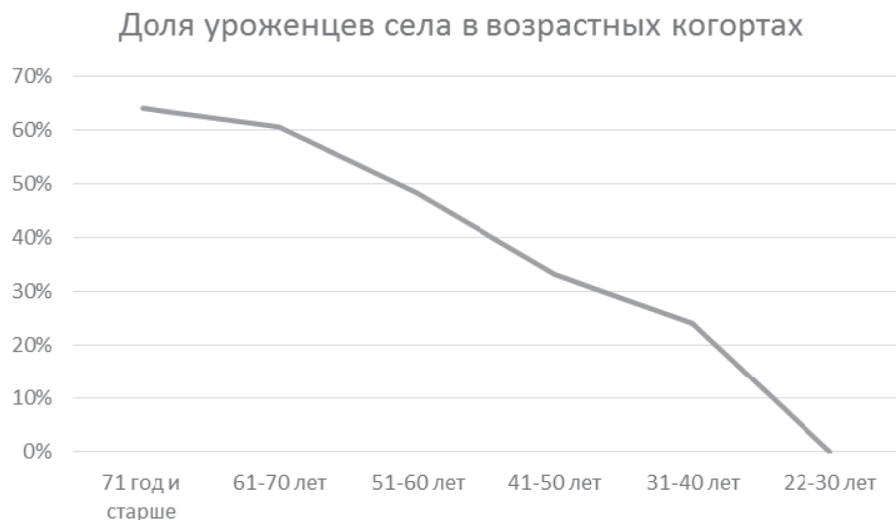

Рис. 2. Динамика доли уроженцев села в возрастных когортах региональной политико-административной элиты (в процентах, N=577)

ния в элиту периферийных элементов. Это означает также, что мало-ресурсные слои населения принципиально выпадают в гонке за властные позиции. В более общем плане, как отмечают отечественные исследователи, «Сегодня поляризация «село — город» стала наиболее существенным разграничением, характеризующим поселенческие различия образовательных ориентаций и поведения молодежи в сфере образования» (Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, Хохлушкина 2008: 200). И как следствие — социальная мобильность сельской молодежи серьезно блокируется.

4. Образовательные характеристики

4.1. Значимость исследования образовательных характеристик властных элит

Значимость исследования образовательных характеристик властных групп определяется рядом обстоятельств. Во-первых, характер образования элитных персон может быть важным показателем специфики и тенденций изменения общественной системы, в рамках которой рекрутируются и функционируют элиты, и присущих ей отношений власти. Как отмечал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения

власти в обществе» (Matthews 1954: 5). Во-вторых, образовательный опыт элитных персон может выступать значимой детерминантой их политики, ее содержания и направленности. Уровень и тип высшего образования отражают специфику условий социализации, которая, в свою очередь, может существенно влиять на интересы, ценности и политические предпочтения индивидов. Соответственно, знание этих особенностей элитного образования может быть необходимым для объяснения и прогнозирования политического поведения властных групп, их роли в функционировании и развитии общества. Наконец, общность, однородность образовательных характеристик членов элиты является одной из предпосылок внутриэлитной сплоченности. В этом смысле, анализ образовательной структуры властных групп является существенным для оценки потенциала внутриэлитной интеграции, которая, в свою очередь, может выступать важным условием стабильности и эффективности власти.

4.2. Региональная политико-административная элиты: основные показатели уровня образования

Если судить по формальным показателям, то региональная политико-административная элита в исследуемых субъектах РФ обладает довольно высоким уровнем образования, который, впрочем, существенно варьируется по регионам. Высшее образование является практически всеобщей характеристикой чиновников и депутатов регионального уровня. Более того, значительное меньшинство властных персон, как показывают таблицы 6 и 7, получило дополнительное (второе и, в редких случаях, третье) высшее образование.

Как видно из Таблиц 6 и 7, почти 40% как административной, так и политической элиты имеют второе высшее образование. Однако присутствуют значительные региональные вариации: в частности, если в Ростовской, Калининградской областях и Хабаровском крае половина администраторов, то в Костромской области лишь каждый пятый чиновник получил второе высшее образование.

Важным показателем уровня образования является наличие ученой степени. Как видно из таблицы 8, значительное меньшинство региональных политиков и чиновников имеет степень кандидата или доктора наук.

Причем уровень «остепенённости» различных функциональных групп региональной элиты — ее политической и административной

Таблица 6

**Региональная административная и политическая элита: наличие
второго высшего образования, в %**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	47	53
Ленинградская область	37	44
Ростовская область	51	37
Калининградская область	50	43
Костромская область	19	32,5
Хабаровский край	50	40
Москва	36	46
Новосибирская область	36	31
Ставропольский край	н/д	34
Дагестан	н/д	27
Итого	39	38

Таблица 7

**Региональная административная и политическая элита: наличие
третьего высшего образования, в %**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	10	10
Ленинградская область	7	19
Ростовская область	11	10
Калининградская область	19	17
Костромская область	8	7,5
Хабаровский край	14	3
Москва	6	6
Новосибирская область	11	8
Ставропольский край	н/д	6
Дагестан	н/д	4
Итого	10	9

фракций — практически одинаков (примерно треть элитных персон), но сильно варьируется по субъектам РФ. Так, в Костромской области только 8% чиновников имеют ученую степень, тогда как в Ростовской области этот показатель приближается к половине; в Калининградской

Таблица 8

**Региональная административная и политическая элита: наличие
ученой степени, в процентах**

Субъект РФ	Административная элита (n = 330)	Политическая элита (n = 606)
Санкт-Петербург	37	35,5
Ленинградская область	35	25
Ростовская область	49	40
Калининградская область	31	11
Костромская область	8	25
Хабаровский край	14	34
Москва	42	49
Новосибирская область	31	22
Ставропольский край	н/д	23
Дагестан	н/д	30
Итого	33	32

области лишь примерно каждый десятый политик защитил диссертацию, однако то же самое можно сказать о почти половине московских депутатов. Также следует отметить, что среди членов региональной административной элиты ученая степень с течением времени становится все более распространенной. Так, если в 2005 г. примерно четверть (26%) петербургских чиновников имела такую квалификацию, то в 2014 г. этот показатель достиг 37%, в Ленинградской области динамика еще более внушительна: доля «остепененных» чиновников за тот же период возросла с 11% до 35%, то есть более чем втрое. Почти в четыре раза больше стало обладателей ученых степеней среди высокопоставленных чиновников Калининградской области: с 2007 по 2014 г. их доля возросла с 8% до 31%. В то же время, среди региональной политической элиты такой динамики не наблюдается: в трех из четырех регионах, по которым возможно сравнение, доля «остепенённых» депутатов за аналогичный период даже снизилась (наиболее существенно, с 51,5% до 40%, в Ростовской области), и только в Ленинградской области — незначительно возросла.

Словом, с формальной точки зрения, региональная политико-административная элита довольно хорошо образованна, причем уровень образования высокопоставленного чиновничества исследуемых субъектов РФ имеет выраженную тенденцию к росту.

4.3. Тип образования региональной политико-административной элиты: от «технарей» к экономистам и юристам?

Одной из важнейших характеристик властной элиты является тип образования. Политико-административные элиты разных стран существенно различаются по типу образования, но, как свидетельствуют зарубежные исследования, важной тенденцией, наблюдаемой в целом ряде государств (например, в таких, как США, Франция и Мексика) является доминирование властных персон, имеющих юридическую подготовку. Кроме знания законов, важного в деятельности государственных служащих, юридическое образование и профессия формируют ряд навыков, которые полезны для политико-административной карьеры, например, умение аргументированно излагать свою точку зрения, способность выступать посредником между конфликтующими сторонами и пр. Наконец, еще одним преимуществом юриста в плане политико-административной карьеры, является то, что, поскольку в относительно стабильных обществах законодательство меняется сравнительно медленно, он может легко вернуться к своей профессии после перерыва, и такая возможность служит важной страховкой на случай ухода с публичной должности¹.

В отличие от ряда зарубежных стран, в России среди политико-административной элиты юридическое образование является далеко не самым распространенным. Как показывают таблицы 9 и 10, с точки зрения типа первого высшего образования, региональная административно-политическая элита весьма неоднородна. Однако видно, что во всей совокупности депутатов и администраторов относительно преобладают персоны с базовой подготовкой по техническим специальностям.

Как видим, «технари», будучи самой многочисленной категорией (хотя, в целом, все же меньшинством членов региональной элиты), составляют примерно треть всей совокупности администраторов и более 40% депутатов. Вместе с тем, заметны существенные межрегиональные вариации. В частности, только четверть костромских администраторов имеет базовое техническое образование, но то же самое можно сказать

¹ О широком присутствии лиц с юридической подготовкой среди высокопоставленных политиков и чиновников зарубежных стран и его причинах см.: (Schlesinger 1957; Cohen 1969; Lewis 1970: 565; Podmore 1977; Dogan 1979: 5; Lammers, Nyomarkay 1982; Dogan 2003: 37-39; Linz, Jerez, Corzo 2003: 86; Kerbo, McKinstry 1995: 139).

Таблица 9

Тип первого высшего образования региональной административной элиты, в процентах (N=277)

Субъект федерации	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	39	36	14	4	4	0	0	0	3
Ленинградская область	40	24	12	9	9	0	0	3	3
Ростовская область	28	19	0	9	28	3	0	10	3
Калининградская область	35	19	10	10	16	3	0	7	0
Костромская область	25	15	5	25	15	0	0	10	5
Хабаровский край	33	22	15	7	4	0	0	11	8
Москва	30	21	12	13	13	7	1	3	0
Новосибирская область	47	10	10	17	3	0	0	13	0
Всего	34	21	10	11	12	3	1	6	2

о почти половине новосибирских чиновников. Лишь треть депутатов Санкт-Петербурга, но более половины (55%) ростовских парламентариев имеет первое техническое образование. Впрочем, персоны с первым техническим образованием относительно доминируют почти во всех региональных элитных группах (единственным исключением является административная элита Костромской области, в которой доли чиновников с первым техническим и гуманитарным образованием одинаковы).

Важным представляется вопрос о динамике типа первого высшего образования властных групп. Как показывают исследования политико-административных элит федерального уровня, унаследованная от советского времени технократическая тенденция постепенно ослабляется:

Таблица 10

**Тип первого высшего образования региональной политической элиты
(в процентах, N=524)**

Субъект федерации	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	33	9	11	9	21	0	3	5	9
Ленинградская область	53	15	2	2	13	4	0	9	2
Ростовская область	55	10	8	8	11	0	0	6	2
Калининградская область	36	16	5	12	24	5	0	2	0
Костромская область	33	31	0	14	11	3	0	8	0
Хабаровский край	42	12	0	17	9	6	0	12	2
Москва	44	4	8	13	15	6	0	2	8
Новосибирская область	45	17	5	11	10	1	0	5	6
Ставропольский край	35	17	15	15	7	2	2	7	0
Дагестан	51	26	10	2	0	0	0	6	5
Всего	43	15	7	10	12	2	1	6	4

доля властных персон с первым техническим образованием сокращается, тогда как процент экономистов и юристов, напротив, растет (Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 76, 77; Крыштановская 1995: 63; Шентякова 2011: 151, 152). Однако анализ региональной элиты показывает в этом отношении противоречивую картину. Как видно из Таблицы 11, в депутатском корпусе четырех регионов (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей), по которым возможен динамический анализ, в период с 2005–2007 гг. по 2014 г. ослабления доминирования технократов практически не наблюдалась, в то время как доля экономистов повысилась лишь незначительно.

Таблица 11

**Доля депутатов с первым техническим, экономическим
и юридическим образованием (в процентах)**

Тип образования	Субъект РФ							
	Санкт-Петербург (2005) (n=66)	Санкт-Петербург (2014) (n=57)	Ленинградская обл. (2005) (n=36)	Ленинградская обл. (2014) (n=53)	Ростовская обл. (2007) (n=66)	Ростовская обл. (2014) (n=62)	Калининградская обл. (2005) (n=37)	Калининградская обл. (2014) (n=42)
Техническое	30	33	44	53	56	55	40,5	36
Экономическое	9	9	11	15	8	10	8	17
Юридическое	11	10,5	3	2	8	8	8	5

В целом, по четырем регионам, доля технически образованных политиков даже незначительно возросла, с 43% до 45%, тогда как доля экономистов поднялась с 9% до 12%, а удельный вес юристов немного снизился — с 8% до 6,5% депутатов.

Иные тенденции наблюдаются в региональной административной элите. В тех же четырех регионах доля высших администраторов с первым техническим образованием с 2005–2007 по 2012–2014 г. сократилась более чем на треть, с 54% до 35,5%. В то же время, доля экономистов резко возросла, с 9% до 24%, а доля юристов тоже поднялась, но менее значительно — с 5 до 9%. Таблица 12 показывает, что хотя динамика типа первого высшего образования административной элиты различалась по регионам, везде доля «технарей» существенно упала (причем в Ростовской области вдвое), а доля персон с первым экономическим образованием значительно выросла в трех из четырех анализируемых субъектов РФ.

В плане понимания динамики образовательного профиля региональной элиты, интерес представляет также сравнение типа образования ее различных возрастных категорий. И здесь, как показывают таблицы 13 и 14, среди двух функциональных фракций — политической и административной — наблюдаются сходные тенденции.

Таблица 12

**Доля администраторов с первым техническим, экономическим
и юридическим образованием (в процентах)**

Тип образования	Субъект РФ							
	Санкт-Петербург (2005) (n=66)	Санкт-Петербург (2014) (n=28)	Ленинградская обл. (2005) (n=29)	Ленинградская обл. (2014) (n=33)	Ростовская обл. (2007) (n=23)	Ростовская обл. (2014) (n=32)	Калининградская обл. (2005) (n=22)	Калининградская обл. (2014) (n=31)
Техническое	54,5	39	48	39	56,5	28	59	35,5
Экономическое	8	36	10	24	22	19	0	19
Юридическое	8	14	0	12	0	0	10	10

Таблица 13

**Тип первого высшего образования различных возрастных категорий
политической элиты (в процентах, N = 524)**

Возрастные категории	Тип образования		
	Техническое	Экономическое	Юридическое
22–40 лет	18	35	20
41–55 лет	43	15	6
56–90 лет	53	10	4

Таблица 14

**Тип первого высшего образования различных возрастных категорий
административной элиты (в процентах, N = 261)**

Возрастные категории	Тип образования		
	Техническое	Экономическое	Юридическое
22–40 лет	19	31	33
41–55 лет	38	18	3
56–90 лет	47	19	9

Как видим, среди самой молодой категории политиков и администраторов доля персон с первым техническим образованием, соответственно, почти в 3 и 2,5 раза меньше, чем среди представителей старшей возрастной группы. У персон с базовым экономическим и юридическим образованием — противоположная, но не менее впечатляющая динамика. В результате, «технари», уверенно преобладающие среди старшей и, в меньшей степени, средней возрастных категорий политиков и администраторов, отчетливо уступают первенство экономистам и юристам среди младшей группы элитных персон.

Какими факторами обусловлены ослабление технократической тенденции и растущая распространенность экономической и юридической подготовки среди административной элиты, а также, хотя и только в разрезе возрастной структуры, среди региональных политиков? Надо сказать, что эта динамика согласуется с общими сдвигами в образовательной структуре выпускников вузов в постсоветский период. В частности, в период с 1990 по 2006 гг. среди специалистов, окончивших государственные вузы, доля тех, кто получил образование в области экономики и управления возросла с 14% до 29%, в области гуманитарно-социальных наук (включая право) — с 12% до 22%¹ (причем надо учесть тот факт, что выпуск по этим специальностям в негосударственных вузах в 1990–2000-е гг. рос гораздо более быстрыми темпами (Выпуск специалистов ... 2014). Напротив, с 1990 по 2008 г. доля выпускников с инженерно-техническим образованием сократилась с 36,4% до 21,6% (Арефьев, Арефьева 2014). Этот сдвиг, по-видимому, проявившийся в образовательном профиле элиты, особенно ее младшего сегмента, как представляется, связан с тем, что радикальная общественная трансформация изменила востребованность разных типов знания и образования. В постсоветской России, с одной стороны, деиндустриализация экономики, сокращение занятости в промышленности ослабили, по крайней мере, относительно, потребность в технически образованных специалистах. С другой стороны, развитие капитализма, маркетизация и автономизация экономики, подчинение ее особым, рыночным законам, повысили значимость экономических знаний и образования. Одновременно, формирование капиталистической системы хозяйствования, в которой центральную роль играют договорные правоотношения между товаровладельцами,

¹ Подсчитано по: (Выпуск специалистов ... 2013).

способствовало росту востребованности и престижа юридического образования.

Нужно учесть и то, что тип образования политико-административных элит, во многом, отражает характер их функционирования и рекрутирования в различных обществах. В советское время, когда, в условиях директивного планирования, государство непосредственно и детально контролировало процесс производства, напрямую управляло предприятиями и отраслями народного хозяйства, наличие технических знаний было необходимым для эффективной деятельности правящих групп. Как следствие, специалисты промышленности с инженерным образованием, знающие производство, активно выдвигались на политико-административную работу (Мохов 2003: 180, 181). В современном российском обществе, где экономика выступает одним из важнейших объектов государственного регулирования, в то же время сохраняя относительную самостоятельность и функционируя по собственным, рыночным законам, наличие экономической подготовки является более существенным для политико-административной элиты, чем техническое образование. Кстати, руководство экономических структур — предприятий различных форм собственности является наиболее значимым за пределами государственной системы бассейном рекрутирования нынешних региональных администраторов и, в еще большей степени депутатов (например, в среднем, каждый шестой чиновник и каждый четвертый депутат занимал ключевую позицию в экономических структурах непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность). Также для властной элиты определенное значение имеет и юридическая подготовка, поскольку право играет существенную, хотя и меньшую, чем в развитых странах¹, роль в осуществлении государственной власти. Тем более что, как можно предполагать, в постсоветской России, по сравнению с советским временем, господство частной собственности на средства производства (и, соответственно, автономия хозяйствующих субъектов от государства), а также несколько более либеральная политическая система повышают вероятность оспаривания решений государственных органов в судах.

Связь типа высшего образования со спецификой функционирования политико-административных элит, особенностями их роль в об-

¹ Примечательно, что в рейтинге правовых государств (по «Индексу верховенства закона») РФ занимает одно из последних мест См.: (Волкова 2012).

тельстве подтверждается и анализом дополнительного образования региональных администраторов и депутатов. Как показывает таблица 15, второе высшее образование члены региональной административной элиты, как правило, получают по специальностям, наиболее релевантным их властной деятельности: управленческой, экономической и юридической.

Таблица 15

Тип второго высшего образования региональной административной элиты, в % (N=130)

Субъект РФ	Тип образования							
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное
Санкт-Петербург	0	14	22	0	14	50	0	0
Ленинградская область	6	23,5	23,5	0	12	35	0	0
Ростовская область	0	32	16	5	21	26	0	0
Калининградская область	0	19	19	0	6	56	0	0
Костромская область	0	14	0	0	29	57	0	0
Хабаровский край	0	50	21	0	0	29	0	0
Москва	0	27	30	0	7	30	3	3
Новосибирская область	8	8	0	0	0	84	0	0
Всего	1	25	19	1	10	42	1	1

Как видно из таблицы 15, среди региональных администраторов с известным типом второго высшего образования, 86 % получили его в области управления, экономики или права; свыше 90 % чиновников с третьим образованием получили его по этим же специальностям.

Таблица 16 демонстрирует сходную картину и среди региональной политической элиты.

Из таблицы 16 видно, что среди региональных политиков, имеющих второе высшее образование, 86 % получили его в области управления, экономики или права, и почти 90 % политиков с третьим образованием получили его по тем же специальностям.

Таблица 16

**Тип второго высшего образования региональной политической элиты
(в процентах, N=230)**

Субъект РФ	Тип образования								
	Техническое	Экономическое	Юридическое	Гуманитарное	Военное	Управленческое	Военно-медицинское	Медицинско-ветеринарное	Другое
Санкт-Петербург	3	12	15	0	15	52		0	3
Ленинградская область	0	12	8	8	12	60		0	0
Ростовская область	4	20	12	4	4	56		0	0
Калининградская область	0	25	15	0	15	45		0	0
Костромская область	0	23	15	0	0	54		8	0
Хабаровский край	0	29	7	0	14	50		0	0
Москва	0	10	17	0	0	73		0	0
Новосибирская область	8	15	23	8	11	27		0	8
Ставропольский край	12	6	23	0	0	59		0	0
Дагестан	0	37	22	0	0	41		0	0
Всего	3	18	16	2	7	52		1	1

Наконец, важно подчеркнуть, что экономика с большим отрывом лидирует среди тех специальностей, по которым члены элиты имеют ученую степень кандидата или доктора наук. Так, из тех чиновников, которые защитили кандидатские диссертации, в среднем по восьми регионам, 41 % получил степень по экономике, еще 11 % — в области права. Также на экономику приходится треть защищенных администраторами докторских диссертаций (еще 5 % — на право). Аналогичная ситуация и среди политиков: в среднем по десяти регионам, примерно треть (34%) депутатов защитили кандидатские диссертации по экономическим специальностям, еще 11 % — в области права. На экономику приходится 29 % защищенных депутатами докторских диссертаций (еще 4 % — на право).

Получая дополнительное высшее образование и ученую степень в областях, непосредственно связанных с административно-политической деятельностью, представители элиты не только приобретали компетентность, необходимую для эффективного властвования и управления, но и легитимировали свои претензии на власть посредством соответствующего диплома. Это получение членами элиты дополнительных квалификаций, особенно по специальностям, в корне отличным от тех, по которым они имеют базовое образование, также может свидетельствовать об определенном инновационном потенциале властных персон, их способности к приобретению новых знаний, умений и навыков, к освоению новых областей деятельности с целью достижения более высоких позиций в изменяющейся социально-профессиональной структуре. Впрочем, поскольку члены элиты получали эти квалификации, часто уже занимая руководящие позиции, вопрос о том, были ли они результатом действительного процесса обучения и научной работы или просто приобретались с помощью власти и денег, вполне правомерен. Биографическая база данных не дает однозначного ответа на этот вопрос, но многочисленные скандалы с плагиатом в «элитных» диссертациях свидетельствуют не в пользу первого варианта.

Говоря о типе образования, нужно в заключение отметить, что важность этой характеристики властных групп связана, конечно, с тем, что, по словам Р. Патнэма, «различные типы образования, действительно, оказывают ощутимо различное влияние на элитные аттитюды» (Putnam 1976: 94). Вообще, влияние типа образования на политические ориентации подтверждается рядом исследований. Например, исследование, проведенное в 19 странах, показало, что студенты в области социальных, гуманитарных наук и права являются более политизированными и левыми, чем их коллеги в области естественных и прикладных наук (Putnam 1976: 94, 95). Еще одно исследование германской и французской элит выявило, что университетская специализация позволяет в определенной, хотя и довольно слабой степени, предсказать аттитюды властных персон (Edinger, Searing 1967). Наконец, проведенное в США исследование обнаружило зависимость политических ориентаций от научной специальности: ученые в области естественных, и, в особенности, технических и экономических наук оказались существенно консервативнее, чем их коллеги в области права и, особенно, социальных и гуманитарных наук (Ladd, Lipset 1972). Эти различия объяснялись

спецификой научных дисциплин, включая такие их характеристики, как степень интеллектуальности, консенсусный или диссенсусный характер, тесноту связей с миром бизнеса и пр. При этом авторы исследования отмечали, что различия в аттитюдах и ориентациях представителей разных научных областей могут варьироваться от общества к обществу и во времени: в частности, в СССР, жесткий идеологический контроль над общественными науками, которые выполняли консервативную функцию поддержки режима, вероятно, не поощрял приток в них критически мыслящих людей (Ladd, Lipset 1972: 1095).

Выводы этих исследований дают основания полагать, что тип образования (а также ученой степени) представителей властных групп может некоторым образом влиять на их аттитюды и ориентации (а, следовательно, и политику, и роль в развитии общества), однако эмпирических данных на этот счет по самим элитам недостаточно. Можно выдвинуть ряд предположений относительно характера такого влияния применительно к политико-административной элите. В частности, довольно высокая распространенность среди элиты базового технического образования может существенно влиять на ее установки и политику, поскольку повышает «вероятность доминирования технократизма как специфического мировидения, связанного с ним дискретного рассмотрения функционирования общества, «тоннельного видения» проблем, шаблонных путей их решения» (Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008: 186). В свою очередь, те представители властной элиты, которые окончили «силовые» учебные заведения (а, как показывают таблицы 9 и 10, почти каждый восьмой чиновник и депутат имеет первое военное образование), а также прошли службу в силовых структурах, могут быть, в силу своей социализации в жестко иерархической среде, особенно склонны к авторитарному стилю управления (см., напр.: Крыштановская 2005: 283, 284; Дука 2012: 104, 105). Наконец, при прочих равных условиях, чиновники с юридической подготовкой могут придавать большее значение формально-правовой стороне процесса выработки и осуществления политики, а элитные персоны с постсоветским экономическим образованием (а также опытом работы на ключевых позициях в бизнес-структурах) — демонстрировать большую приверженность буржуазным ценностям и политике неолиберализма. Следует, однако, отметить, что подтвердить или опровергнуть эти предположения можно только в результате специального исследования.

5. Характеристики карьеры региональных элит

Александр Иванович Неклесса, анализируя современную российскую элиту пишет: «В конце концов мы получили собственный элитный коктейль — поколение «П» — из представителей спецслужб, их многочисленной, разветвленной агентуры и в той или иной степени криминализированной среды. При всем различии этих людей есть у них одно общее свойство — они «люди тени», воспитанные в духе морального релятивизма, короткого (оперативно-тактического) горизонта планирования и психологии подполья» (Неклесса 2008). Это и схожие с этим мнения достаточно распространены в публицистике и аналитике. Следствия из этих суждений достаточно серьезны. Однако, возникает вопрос об ингредиентах этого «коктейля», а также насколько такая общая характеристика точно отражает состав и состояние наших групп доминирования и может быть основанием эмпирического рассмотрения бытования и функционирования отечественной региональной властной элиты.

5.1. Значимость исследования карьерных властных элит

Значимость карьеры, социально-профессионального бассейна и каналов рекрутирования политико-административных элит как предмета научного исследования определяется рядом обстоятельств. С одной стороны, их особенности, во многом, являются отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. В этой связи, анализ карьеры и каналов рекрутирования элитных персон позволяет пролить свет на характер отношений, сложившихся между различными властными группами и институциональными сферами внутри данного общества или сообщества. С другой стороны, особенности карьеры и каналов рекрутирования и, соответственно, специфика условий социализации членов властных элит могут, в некоторой мере, определять их политические ориентации и предпочтения, их склонность к защите или, напротив, ущемлению интересов определенных социальных групп, а, следовательно, их политику и роль в обществе. Впрочем, исследователи приходят к разным выводам на этот счет. Как показывают в своем обзоре П. Норрис и Д. Ловендуски (Norris, Lovenduski 1995: 210), ряд авторов ставит под сомнение наличие значимых связей между характеристиками социально-профессионального происхождения и политическими аттитюдами элит. Сами они, основываясь на анализе членов парламента Великобритании, заключают, что «профессиональ-

ный класс политиков не сильно связан с их социальными ценностями, политическими приоритетами или законодательными ролями» (Norris, Lovenduski 1995: 224). Однако, как показывает ряд других исследований (Edinger, Searing 1967; Kim 1974; Razi 1981), социально-профессиональное происхождение и особенности карьеры все же могут в известной степени влиять на политические ориентации властных групп. В частности, исследование французской и западногерманской элит, проведенное Л. Эдингером и Д. Сирингом в 1964 г., показало, что большинство переменных социального происхождения (*social background*), в той или иной степени, связано с явными и латентными аттитюдами элиты. Причем в германском случае, одним из самых существенных, с точки зрения размаха и силы, предсказателей аттитюдов была такая характеристика, как работа членов элиты в предшествующие годы (Edinger, Searing 1967). В общем, как отмечают другие исследователи, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением, с другой далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» (Kerbo, Della Fave 1979: 6).

В этой связи нужно отметить и то, что гомогенность социально-профессиональных характеристик элитных персон, сходство их карьерного опыта может быть предпосылкой общности их политических аттитюдов и предпочтений, благоприятным условием для формирования среди элиты консенсуса по поводу ключевых ценностей. Как отмечали Ким и Паттерсон, «социальная гомогенность, возможно не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты». В общем, изучение характеристик карьеры и профессионального бассейна рекрутирования региональной политико-административной элиты важно еще и потому, что позволяет оценить перспективы внутриэлитной интеграции, которая, свою очередь, считается важным фактором стабильности и эффективности политической системы (См.: Field, Higley 1980: 119; Putnam 1976: 128).

В качестве важной отправной точки, основания для анализа карьеры региональной политико-административной элиты можно исполь-

зовать присутствующее в литературе разделение между двумя типами рекрутирования в зависимости от проницаемости его каналов (См.: Putnam 1976: 47, 48). С «гильдейским» или, можно сказать, «внутренним» типом рекрутирования, предполагающим профессионализацию, в чистом виде мы сталкиваемся в том случае, когда элитная персона всю свою карьеру провела в той, административной или политической, сфере, в которой она занимает ключевую позицию в настоящее время. В качестве примера можно привести высокопоставленного чиновника, который пришел работать в администрацию после окончания вуза простым специалистом и постепенно «дорос» до элитной должности. Второй, более проницаемый, открытый или, так сказать, «внешний», тип рекрутирования мы наблюдаем тогда, когда на элитные позиции в администрации и политике приходят персоны, сделавшие карьеру в иных институциональных и профессиональных сферах, например, в бизнесе, образовании, силовых структурах и пр. Тесная взаимосвязанность различных областей общественной жизни благоприятствует такому рекрутированию. Естественно, что конкретные, индивидуальные элитные карьеры могут быть смешанными, сочетая различные типы профессионального опыта.

5.2. Карьера административной элиты

Зарубежные исследования показывают, что в разных странах наблюдаются различные паттерны карьеры высокопоставленных чиновников. В частности, в США (См., напр.: Anker, Seybold, Schwartz 1987: 103–105; Domhoff 2006: 165–171; Dye, Pickering 1974; Freitag 1975; Kerbo, Della Fave 1979) распространено внешнее рекрутирование административной элиты, которая активно пополняется выходцами из бизнеса, юриспруденции, образования и пр. Проработав некоторое время в органах исполнительной власти, такие персоны возвращаются обратно в те сферы, из которых пришли. Описанная практика получила название «вращающейся двери». В других странах, например, в Италии и Германии (см., напр.: Cassese 1999: 58; Cotta, Verzichelli 2003: 127; Hartmann 2010: 303–305, 307; Hoffmann-Lange 2001: 205; Scheuch 2003: 107) различные функциональные фракции элиты обособлены друг от друга с точки зрения карьеры, для высокопоставленного чиновничества характерна высокая степень профессионализации, и рекрутирование административной элиты из бизнеса и других сфер — редкое явление.

Доминирующей тенденцией рекрутирования региональных администраторов в восьми исследуемых субъектах РФ также является профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее их большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах.

Таблица 17

Работа членов административной элиты, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в процентах)

Работа	Предшествующая работа (n = 312)	Предпредшествующая работа (n = 289)
Депутат	1	2
Администратор	78	63
Политический активист	1	2
Бизнесмен	16	24
Специалист	1	2
Наука, культура, образование	1	2
Силовик	1	4
Охранник	0	0
Юрист	0	0
Медик	1	1

Как показывает таблица 17, в целом по восьми регионам почти четыре пятых административной элиты непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность уже работали чиновниками, и почти у двух третей предпредшествующая должность была административной. Причем по уровню профессионализации высшая региональная административная элита (губернатор и его заместители) практически не отличается от остальной массы чиновников. Впрочем, наблюдаются существенная вариативность в региональном разрезе: если в Ростовской области только 68 % членов административной элиты занимали административную должность перед занятием нынешней позиции, то в Москве этот показатель составляет 86 %. Если в Петербурге менее чем у половины (48 %) высокопоставленных чиновников предпредшествующая должность была административной, то в Ростовской области это можно сказать о трех четвертях членов региональной административной элиты.

О длительности работы членов административной элиты на административных постах свидетельствует и нижеследующая таблица 18.

Таблица 18

**Работа членов административной элиты
в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008 и 2010 гг. (в процентах)**

Работа	1993 (n=237)	1995 (n=235)	2000 (n=257)	2004 (n=271)	2008 (n=282)	2010 (n=289)
Депутат	1	1	1	1,5	3	2
Администратор	24	31	47	62	71	81
Политический активист	1	0	1	1	0	0
Бизнесмен	21	24	25	22	19	13
Специалист	4	1	3	3	1	0
Наука, культура, образование	7	6	4	2	1	0
Силовик	16,5	15	9	5	3	2
Охранник	0	1	0	0	0	0
Юрист	0	0	2	1	1	1
Медик	4	4	3	1,5	1	1
Учащийся	21,5	17	5	1	0	0

Как видим, уже в первой половине 1990-х гг. почти четверть нынешних высокопоставленных региональных чиновников работала на административных должностях, а к 2000 г. этот показатель достиг почти половины.

Причем тенденция профессионализации усиливается, о чем свидетельствует сравнительный анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). Если в целом по указанным регионам в 2005–2007 гг. предшествующая должность была административной только у 57 % высокопоставленных чиновников, то в 2012–2014 г. — уже у 72,5 % членов элиты. Если 2005–2007 гг. в среднем по четырем регионам у 44% нынешних высших администраторов предпредшествующая должность была административной, то в 2012–2014 гг. — уже у 60 %.

Несмотря на выраженную профессионализацию и внутреннее рекрутирование, административная элита, в плане своей карьеры, является только относительно закрытой группой. Как показывает таблица 18, подавляющее большинство высокопоставленных чиновников имеет определенный опыт работы вне административной сферы в постсоветский период. При этом обращает на себя внимание ряд тенден-

ций. Во-первых, политическая элита (депутатский корпус) не является важным источником рекрутирования администраторов: лишь 1 % чиновников непосредственно перед назначением на нынешнюю должность работал депутатом, и только у 2 % такой была предпредшествующая работа. Эта тенденция, вероятно, отражает слабость парламентских институтов на региональном уровне и их контроля над административными структурами. Во-вторых, более заметной тенденцией является милитаризация административной элиты: в 1995 г. каждый седьмой нынешний высокопоставленных чиновник работал в силовых структурах. Наконец, основным источником внешнего рекрутирования высокопоставленных региональных чиновников служит бизнес — высшее руководство экономических структур. Как видно из таблицы 17, почти каждый шестой чиновник непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность занимал ключевую позицию на предприятиях различных форм собственности, и почти у каждого четвертого администратора с руководством экономическими структурами была связана предпредшествующая работа. Причем, бизнес является «поставщиком» большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники внешнего рекрутирования административной элиты вместе взятые. С точки зрения оценки масштабов плутократического рекрутирования, показательны и данные о занятии нынешнего административной элиты в различные годы. Как видно из таблицы, в 1993 г. каждый пятый, а в 2000 г. — каждый четвертый нынешний высокопоставленный региональный чиновник руководил бизнес-структурой.

Следует отметить, что степень плутократического рекрутирования административной элиты существенно варьируется по регионам. Наиболее высокие показатели плутократизации высокопоставленного регионального чиновничества характерны для Санкт-Петербурга. Почти каждый четвертый (23 %) петербургский администратор непосредственно перед тем, как занять нынешнюю должность, был бизнесменом, и у 38 % членов городской административной элиты с руководством экономическими структурами была связана работа, предпредшествующая нынешней должности. В то же время в Хабаровском крае только 11 % администраторов пришло непосредственно из бизнеса, а в Ростовской области только у 12,5 % чиновников с руководством предприятиями была связана работа, предпредшествующая нынешней должности.

Что касается динамики плутократизации, то ее можно проследить по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). В целом, картина относительно стабильна. Доля чиновников, непосредственно рекрутированных из бизнеса, практически не изменилась (20 % в 2012–2014 гг. против 20,5 % в 2005–2007 гг.), тогда как удельный вес чиновников, у которых с руководством бизнесом была связана предпредшествующая работа, несколько снизился (с 30 % в 2005–2007 гг. до 24 % в 2012–2014 гг.), что, вероятно, связано со значительно возросшим уровнем профессионализации элиты, о котором говорилось выше.

Какие факторы обуславливают существенный уровень плутократизации региональной административной элиты? Во-первых, сильная и многообразная зависимость процесса накопления капитала от политики региональных властей порождает заинтересованность бизнеса в контроле над административными структурами в разнообразных формах, включая и такую прямую, как «колонизация» их своими ставленниками. Во-вторых, бизнесмены обладают различными ресурсами, с помощью которых они в состоянии существенно влиять в своих интересах на кадровую политику региональных властей. Например, финансовыми средствами, которые могут использоваться для спонсирования избирательных кампаний кандидатов в губернаторы, покупки должностей и пр. Кроме того, в силу объективной зависимости, с точки зрения доходов бюджета и политической легитимности, от экономического роста и важной роли в регулировании экономики региональные администрации испытывают потребность в таких управленцах, которые компетентны в экономических вопросах и пользуются доверием и авторитетом в стратегически важных отраслях региональной экономики и деловом сообществе в целом. Важным источником такого рода кадров выступает бизнес, выходцы из которого назначаются на ключевые административные должности, особенно в экономическом блоке. В-третьих, постоянное и тесное взаимодействие региональных властей с крупными компаниями в процессе выработки и осуществления политики, особенно по экономическим вопросам, способствует сокращению социальной дистанции, формированию знакомств и личных связей между администраторами и бизнесменами, что создает благоприятные условия для обмена кадрами.

Итак, плутократизация, силу ряда факторов, является одной из основных тенденций рекрутирования региональной административной

элиты, хотя и гораздо менее сильно выраженной, чем профессионализация. Какие последствия с точки зрения политики и роли элиты в обществе может иметь сочетание двух этих важнейших тенденций? Профессионализация может рассматриваться как показатель и предпосылка автономии высшего регионального чиновничества, его способности проводить политику, относительно независимую от интересов различных социальных групп, составляющих региональное сообщество. Однако то, что бизнес является значимым «поставщиком» и важнейшим источником «внешнего» рекрутирования административной элиты способствует тому, чтобы его интересы все же занимали привилегированное место в региональной политике по сравнению с интересами других социальных групп, выходцы из которых слабо представлены среди высокопоставленного регионального чиновничества. Следует, впрочем, отметить, что плутократизация регионального государственного аппарата может иметь противоречивые последствия. Н. Пулантас неслучайно отмечал, что государство «лучше всего служит интересам класса капиталистов, если члены этого класса не участвуют непосредственно в государственном аппарате, то есть когда господствующий класс не является политически правящим классом» (Poulantzas 1972: 246). Тесная связь конкретных чиновников с определенными бизнес-структурами, из которых они пришли на государственную службу, может подрывать способность административной элиты проводить политику в интересах бизнеса в целом, поскольку такая политика нередко требует обуздания эгоизма особых интересов отдельных компаний и отраслей. Как писал К. Оффе, «государство, которое ... должно быть «идеальным коллективным капиталистом» <...> должно быть <...> структурой, выступающей по отношению к особым и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, — во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» (Offe 1993: 108).

5.3. Карьера политической элиты

Как и административная, политическая элита также демонстрирует выраженную тенденцию к профессионализации.

Как видим из таблицы 19, в целом, более половины членов региональной политической элиты на момент вступления в нынешнюю должность уже работали депутатами, а у трети с работой в парламенте была связана предпредшествующая работа. Впрочем, наблюдаются

Таблица 19

**Работа членов политической элиты, предшествующая и
предпредшествующая нынешней должности (в процентах)**

Работа	Предшествующая работа (n = 519)	Предпредшествующая работа (n = 478)
Депутат	56	33
Администратор	9	11
Политический активист	5	5
Бизнесмен	24	39
Специалист	0	1
Наука, культура, образование	3	5
Силовик	1	3
Охранник	0	0
Юрист	1	1
Медик	1	1
Рабочий/колхозник	0	1
Учащийся	0	0

значительные различия между регионами. Наиболее профессионализированным является депутатский корпус Санкт-Петербурга и Дагестана. В Санкт-Петербурге — 77 %, а в Дагестане — 73,5 % депутатов на момент вступления в должность уже были членами регионального парламента. Для сравнения, то же самое можно сказать только о 46 % депутатов Калининградской области и 52% парламентариев Ленинградской области.

О длительности депутатской работы членов региональных законодательных собраний свидетельствует следующая таблица 20.

Как видим, в первой половине 1990-х гг. — каждый седьмой, а в 2000 г. — примерно каждый пятый член региональной элиты уже занимал депутатскую позицию.

Сравнительный анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) показывает, что уровень профессионализации политической элиты относительно стабилен. Так, если в целом по указанным регионам в 2005–2007 гг. 59 % членов политической элиты работали депутатами на момент вступления в должность, то в 2012–2014 гг. этот показатель составлял немногим меньше (53%). Если в 2005–2007 гг. у 29,5 % депута-

Таблица 20

Работа членов политической элиты в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008 и 2010 гг. (в процентах)

Работа	1993 (n=405)	1995 (n=423)	2000 (n=453)	2004 (n=467)	2008 (n=501)	2010 (n=497)
Депутат	14	12	21	36	61	75
Администратор	10	14	13	10	8	7
Политический активист	1,5	3	3	5	4	2
Бизнесмен	37,5	44	44	38	23	14
Специалист	10	3	2	2	1	1
Наука, культура, образование	3	7	6	4	2	1
Силовик	9	7	4	2	1	0
Охранник	0	0	0	0	0	0
Юрист	1	1	2	1	0	0
Медик	3	3	2	1	0	0
Рабочий/колхозник	1	0	0	0	0	0
Учащийся	10	6	3	1	0	0

тов с работой в парламенте была связана предпредшествующая работа, то в 2012–2014 гг. это показатель не изменился, составив 30%.

В целом, однако, по уровню профессионализации региональная политическая элита значительно уступает административной. Во-первых, это связано с особенностью правовых норм, регулирующих деятельность депутатов и чиновников регионального уровня. Все региональные администраторы обязаны работать в органах исполнительной власти на профессиональной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной и иной творческой). Напротив, во многих регионах значительная часть депутатов вправе работать на непостоянной основе, совмещая свои обязанности с основной работой. Впрочем, в этом смысле ситуация сильно варьируется по исследуемым субъектам РФ. Так, Законодательное собрание Петербурга, по закону, работает полностью на профессиональной основе, то же самое можно сказать о Московской городской Думе пятого созыва, члены которой были включены в исследовательскую совокупность (в столичном парламенте шестого созыва положение изменилось, и только 18 из 45 депутатов вправе работать на освобожденной

основе (В Мосгордуме... 2014)). В Ленинградской области на профессиональной основе работают 41 из 50 депутатов (В заксобрании Ленобласти... 2015), в Калининградской областной думе — 21 из 40 (Калининградская областная Дума... 2015); в Народном собрании Республики Дагестан — 40 из 90 народных избранников (Закон Республики Дагестан ... 2015). В Костромской областной Думе пятого созыва — только 8 из 36 депутатов были профессионалами (Пятый созыв... 2015). В Законодательной Думе Хабаровского края на постоянной основе могут работать не более половины депутатов (Законодательная Дума... 2015). Таким образом, мы видим, что в силу особенностей институционального дизайна региональных парламентов и норм, регулирующих их функционирование, политическая элита, в значительной мере, состоит из непрофессионалов, для которых не депутатство, а другая работа служит основным источником дохода, занимая большую часть их рабочего времени.

Во-вторых, на уровень профессионализации властных групп влияют и особенности процедуры рекрутирования их членов. Если высокопоставленные региональные чиновники, кроме губернатора, назначаются на свои должности (хотя и по согласованию с депутатами), то депутаты избираются населением субъекта федерации. Механизм рекрутирования политической элиты является более демократичным и дает больший контроль над процессом ее формирования «внешним» по отношению к ней социально-профессиональным группам, выходцы из которых существенно более широко представлены в ее составе, чем среди администраторов. Однако проявляется весьма выраженное неравенство в доступе членов различных социально-профессиональных групп в региональную политическую элиту. Хотя члены низших классов — рабочие и крестьяне составляют значительную долю избирателей, для них такой доступ фактически закрыт. Как видно из таблицы 19, всего 1 % депутатов регионального уровня были рабочими или крестьянами по характеру своей предпредшествующей работы. Причем такие депутаты встречались только в двух регионах — Ростовской и Ленинградской областях. Как показывает таблица 20, в 1993 г. тоже лишь 1 % членов нынешней политической элиты занимал «рабоче-крестьянскую» позицию, в последующие годы доля депутатов, занимающих такое положение в социально-профессиональной структуре, сократилась до нуля. Эта ситуация, в целом, неудивительна, учитывая неразвитость в России таких политических партий и социальных дви-

жений, прежде всего, левого толка, в форме и посредством которых члены неимущих классов могли бы объединять свои скромные ресурсы и относительно успешно участвовать в политической жизни. В современной России нет по-настоящему массовых, тесно связанных с профсоюзами и притом электорально успешных левых партий, которые в странах Запада в свое время служили, в известной степени, политическим лифтом для членов подчиненных классов.

По сравнению с низшими классами, группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре, несколько шире, хотя тоже довольно скромно, представлены в региональной политической элите. Так, в целом, по десяти исследуемым регионам около 5 % депутатов непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были специалистами различных предприятий и организаций или работали в сфере науки, культуры, образования, медицины и юриспруденции. У 8 % депутатов с такого рода профессиональной деятельностью была связана позиция, предпредшествующая нынешней должности. Кроме того, как показывает таблица 2, в 1993 г. в такую профессиональную деятельность были вовлечены 17 % нынешних депутатов, но в последующие годы этот показатель неуклонно снижался.

Одна из относительно широко представленных в региональном депутатском корпусе категорий — это бывшие администраторы. Как показывает таблица 20, примерно каждый десятый депутат были чиновником на своей предшествующей и предпредшествующей работе. В 1993 г. — каждый десятый, а в 1995 г. — каждый седьмой региональный парламентарий работал на административных позициях. В некоторых случаях в депутатский корпус переходят чиновники довольно высокого уровня, которые занимают в законодательных собраниях ключевые посты. В частности, нынешней председатель Законодательной думы Хабаровского края ранее работал первым заместителем председателя краевого правительства, а председатель Законодательного собрания Ростовской области перед избранием депутатом был заместителем главы областной администрации. Такого рода рекрутирование высокопоставленных чиновников на командные высоты в региональных законодательных собраниях можно рассматривать как форму проявления и, одновременно, способ закрепления зависимости представительной власти от административных структур.

Как и в случае в административной элите, основным источником внешнего рекрутирования региональной политической элиты являет-

ся бизнес — высшее руководство экономических структур различных форм собственности. Причем его роль в качестве поставщика региональных депутатов гораздо весомее его роли как бассейна рекрутирования высокопоставленных чиновников. Как показывает таблица 20, примерно четверть депутатов занимали ключевые позиции в экономических структурах непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность, и у почти 40% с руководством предприятиями была связана предпредшествующая работа. Фактически мы видим, что бизнес составляет больше депутатов, чем все остальные источники внешнего рекрутирования политической элиты вместе взятые. Более того, если посмотреть на показатель предпредшествующей работы членов политической элиты, а также их работы в 1990-е — первой половине 2000-х гг., то окажется, что плутократизация является более выраженной тенденцией рекрутирования регионального депутатского корпуса, чем профессионализация. В частности, 2000 г. только одна пятая нынешних депутатов работали депутатами, тогда как 44 % руководили различными предприятиями.

Говоря о динамике, следует отметить, что данные по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям) свидетельствуют о том, что уровни плутократизации политической элиты немного возросли. Так, если в 2005–2007 гг. 24 %, то в 2013–2014 гг. — 26 % депутатов непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были руководителями предприятий; если в 2005–2007 гг. у 33 %, то в 2013–2014 — уже у 39 % депутатов с руководством бизнесом была связана предпредшествующая работа.

Представляют интерес и существенные региональные вариации масштабов плутократического рекрутирования политической элиты. Наиболее низкие уровни плутократизации демонстрирует депутатский корпус Санкт-Петербурга, Москвы и Дагестана, где, соответственно, 5 %, 10 % и 12 % парламентариев непосредственно перед избранием руководили экономическими структурами. Наиболее широко представлены бизнесмены среди политической элиты Ростовской и Калининградской областей, в которых, соответственно, 38 % и 35 % народных избранников занимали ключевые позиции на предприятиях перед тем, как занять нынешнюю должность.

Широкое присутствие бизнесменов в представительных органах субъектов РФ, в общем, неудивительно и подтверждается рядом исследований (см., напр.: Сакаева 2012: 97; Тев 2012: 105–109; Тев 2012: 65–73;

Чирикова 2005: 196–197). Как уже отмечалось, процесс накопления капитала сильно зависит от политики органов государственной и муниципальной власти, связи в которых являются одним из важных условий успешного ведения бизнеса. В этом смысле, бизнесмены могут быть заинтересованы в депутатском мандате, который облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным персонам, дает возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах своей фирмы, отрасли или делового сообщества в целом, а также позволяет получать различные преференции от региональных и местных властей в обмен на лояльность при принятии тех или иных политических решений, включая утверждение назначений. Конечно, многие бизнесмены — весьма занятые люди и, кроме того, капиталисты нередко избегают излишней публичности, придерживаясь принципа «деньги любят тишину». В принципе, чтобы отстаивать свои интересы, им не обязательно самим избираться в представительные органы, они могут использовать с этой целью других депутатов, финансируя их избирательные кампании или просто подкупая их. Но всегда существует вероятность оппортунизма таких ставленников, которые могут, в силу разных причин, отказаться от выполнения своих обязательства перед спонсорами. Поэтому собственное присутствие капиталиста в органе представительной власти может быть более надежной стратегией. Кроме того, надо иметь в виду, что интерес бизнеса к депутатскому мандату не ограничивается материальной, лоббистской составляющей, существенную роль играют и другие мотивы, в частности, соображения престижа и статуса, стремление к самореализации и пр. Наконец, важной предпосылкой выбора капиталистами стратегии прямого, личного, а не только опосредованного присутствия в органах представительной власти является институциональный дизайн региональных парламентов. Как уже говорилось, в России, включая исследуемые регионы, во многих таких органах значительная, даже преобладающая часть депутатов, по закону, вправе работать на непостоянной основе, предполагающей возможность совмещения депутатства с основной работой, например, в бизнесе. Таким образом, бизнесмены могут занимать депутатские посты, не покидая командных высот в экономических структурах, что важно с точки зрения сохранения контроля над капиталом, прежде всего, для наемных менеджеров. Отсутствие института парламентского совместительства, вероятно, ослабило бы интерес многих представителей бизнеса к депутатским мандатам в силу высоких издержек смены

работы¹. В этом смысле, не случайно, что наименьший уровень плутократизации характерен для региональных парламентов Санкт-Петербурга и Москвы, где все депутаты должны работать на профессиональной постоянной основе и не вправе совмещать свои обязанности с коммерческой деятельностью.

В плане ресурсов, которые можно мобилизовать для успешной избирательной кампании, крупные бизнесмены намного превосходят большинство других социально-профессиональных групп. Важнейший ресурс, находящийся в распоряжении капиталистов, это, конечно, финансовые средства, от доступа к которым, несмотря на государственное финансирование, существенно зависят политические партии, прежде всего, «Единая Россия» и ЛДПР. Так, согласно финансовому отчету «партии власти» за 2014 г., государственное финансирование составило чуть более половины поступлений в ее бюджет, тогда как львиная доля остальных средств была собрана за счет пожертвований (Сводный финансовый отчет... «Единая Россия»... 2015; см. также: Сводный финансовый отчет... ЛДПР... 2015). Впрочем, говоря о политических ресурсах бизнеса, не следует также забывать и об организационных возможностях возглавляемых капиталистами фирм, а также о средствах массовой информации, которыми нередко владеют предприниматели. Кроме того, руководители крупнейших предприятий, являющиеся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах, обладают значительной структурной властью. Объективная зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких предприятий облегчает их руководству представление своих частных интересов в качестве всеобщих, что является важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. Наконец, стоит также добавить, что находящиеся в многообразной зависимости от крупного капитала региональные власти нередко оказывают административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Высокая степень плутократизации региональной политической элиты, почти полное отсутствие в ней представителей рабочего класса, сравнительно слабая представленность средних слоев и абсолютное доминирование в ее составе выходцев из властных групп (так, почти 90 % парламентариев перед вхождением в нынешнюю должность занимали

¹ О роли института парламентского совместительства в плутократизации региональных законодательных собраний см., напр.: (Афанасьев 1998).

позиции депутатов, администраторов или бизнесменов) позволяют говорить о довольно высоком уровне ее социальной однородности. Это обстоятельство может способствовать внутриэлитной интеграции. Так же плутократизация депутатского корпуса благоприятствует тому, чтобы интересы бизнеса или класса капиталистов (такие, например, как обеспечение благоприятного инвестиционного климата) занимали привилегированное, приоритетное место в его политике (тем более что этому способствуют и структурные факторы) и, более того, отождествлялись парламентариями с интересами регионального сообщества в целом. Тесная связь региональной политической элиты с бизнесом, существенно ограничивает ее способность выступать в качестве субъекта инициирования и осуществления социальных реформ, отвечающих интересам большинства жителей региона. Вместе с тем, понятно, что депутаты, связанные с бизнесом, имеют не только общие («общеклассовые»), но и специальные, особенные интересы, обусловленные спецификой условий накопления капитала, характерных для тех предприятий и отраслей, которые они представляют. В этом смысле, широкое присутствие бизнесменов в депутатском корпусе может способствовать дезинтеграции региональной политической элиты, пронизанной противоречиями и соперничеством различных особенных деловых интересов.

Фиксируемая нами плутократизация региональных элит связана, как указывают исследователи (Пшизова 2007; Гаман-Голутвина 2012), с трансформацией политики в специфическую сферу бизнеса. Это означает, что политико-административные элиты ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии (Пшизова 2007: ч. II: 75). Бизнес-сфера при всей своей кажущейся ориентации на новое, инновации, всё же ориентируется на прибыль и доходность своей деятельности. И здесь субъективно-групповая оптимальность может быть вполне связана с ориентацией на консервацию существующих институтов, структур, отношений. Помимо этого, бизнес-стратегия совершенно не чужда и коррупции, выступающей в данном контексте как оптимизирующий институт.

Если определять основные сферы социальной активности как суббассейны рекрутирования, то диахронный сравнительный анализ показывает, что три сферы — политико-административная, хозяйственно-экономическая и силовая в настоящее время являются местом предшествующей работы для девяноста и более процентов членов по-

литико-административного сегмента регионального элитного сообщества. За шесть лет до этого только в Санкт-Петербурге и Хабаровске (из сравниваемых регионов) доля рекрутантов из этих сфер была выше половины. Происходит профессионализация, сужение бассейна рекрутирования и переплетение политико-административного, экономического и военных секторов. Отсюда такие важные характеристики российского общества как административно-бюрократический характер управления, плутократическое господство с акцентом на силовое подкрепление административного и экономического принуждения. Следствием является централизованное доминирование исполнительной власти и соответствующих элитных групп. Общей характеристикой эволюции властных групп является олигархизация, что связано с сужением бассейна рекрутирования. Вместе с тем, можно наблюдать профессионализацию всех секторов властных элит, что, однако, не связано с возможной их эффективностью. Одновременно институционализация региональных элит достигает высокого уровня. Вместе с тем, следует подчеркнуть гетерогенность региональных элит, что связано естественным образом с большой региональной дифференциацией.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

На основании исследования социально-структурных характеристик властных групп десяти регионов можно утверждать, что инновационный потенциал региональных политико-административных элит невысок. Вместе с тем, отчетливо выражена региональная дифференциация элитного сообщества. Выявленные характеристики региональной административной элиты представляются более благоприятными для позитивного развития регионов.

Еще один аспект описываемой проблемы связан с возможностями внутри данной социетальной системы осуществлять необходимые действия, направленные на позитивное развитие. Если общесоциетальные структурные характеристики — слабость развития гражданского общества, нерешенность для большинства населения страны проблем экзистенциальной безопасности, что препятствует распространению в российском обществе таких ценностей, как стремления к свободе, самореализации, обеспечению равенства прав и заботы о других людях, и возможности эффективно соорганизовываться для решения возникающих коллективных и индивидуальных проблем — могут способство-

вать значительной автономии властных групп для решения необходимых преобразований, то особенности развития элит этому не способствуют. Прежде всего, следует отметить отсутствие в достаточной степени от-рефлексируемых членами элитного сообщества ориентиров развития страны как целого образования, а также доминирования общих интересов над групповыми и индивидуальными. Как показывают исследования наших зарубежных коллег, без этого не возникает такого феномена как «государство развития» (“developmental state”, “acceleration state”), и не приходится рассчитывать на реализацию идей или планов ускоренного социально-экономического развития страны по примеру некоторых азиатских и латиноамериканских государств.

Существенно снижающим фактором для ориентации на инновационное развитие может выступать плутократизация административно-политической элиты.

Литература и источники

Анисимов Е.В. Шведская модель с русской особенностью: Реформа власти и управления при Петре Великом // Реформы и власть. СПб.: Издание журнала «Звезда», 1995. С. 3–40.

Аношкина В.Л., Резванов С. В. Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы). — Ростов-на-Дону: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001.

Арефьев А.Л., Арефьева М.А. Об инженерно-техническом образовании в России. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tehnicheskoe.pdf (дата обращения: 20.09.2014).

Афанасьев М.Н. В России сформированы представительные собрания правящих региональных групп // Власть. 1998. № 2. С. 43–45.

Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 85–96.

Буянова С. М. Возраст как фактор отношения к инновациям // Экономическая психология и поведенческая экономика в условиях глобальных социальных и экономических изменений: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Н. Лебедев. М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2014. С. 81–84.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Под ред. Елисевой И.И. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

В заксобрании Ленобласти отказались сокращать число парламентариев, получающих зарплату. URL: <http://tass.ru/politika/2005154> (дата обращения: 29.05.2015).

В Мосгордуме на постоянной основе будут работать 18 депутатов. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949992433221> (дата обращения: 23.09.2014).

Волкова А. Рейтинг правовых государств: Россия провалилась по всем показателям. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (дата обращения: 20.12.2012).

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. 2011. №1. С. 66–79.

Выпуск специалистов государственными высшими учебными заведениями по группам специальностей (тысяч человек), до 2006 года включительно // Статистика российского образования. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_17&tttype=2&Field=All (дата обращения: 17.06.2013).

Выпуск специалистов негосударственными высшими учебными заведениями по группам специальностей (тысяч человек) (2014) // Статистика российского образования. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_18&tttype=2&Field=All (дата обращения: 18.09.2014).

Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. 2012. №4. С. 23–40.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Гаман-Голутвина О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство: [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [редкол.: Е.Ю. Сергеев (отв. ред.) и др.]. Москва: Наука, 2007. С. 22–38.

Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004.

Дука А.В. Амбициозные мигранты и интеллигентные петербуржцы (дифференциации в региональной элите) // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 285–304.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. Р. 94–120.

Закон Республики Дагестан от 13 июля 1995 года N 1 «О статусе депутата Народного собрания Республики Дагестан» (с изменениями на: 12.01.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037539> (дата обращения: 06.07.2015).

Законодательная Дума Хабаровского края. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256> (дата обращения: 09.08.2015).

Калининградская областная Дума пятого созыва (2011–2016). URL: <http://duma39.ru/duma/index.php> (дата обращения: 06.07.2015).

Кашиев О.С. Усиление инновационного потенциала России путем развития административно-правового регулирования // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. 9-я Международная конференция (25–27 мая 2011 г.). Часть 2. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 358–363.

Кисуркин А.А. Факторы, влияющие на инновационное развитие региона, и их классификация по уровням управления // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. [Электронный научный журнал | ISSN 2070-7428.] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762> (дата обращения: 08.10.2017).

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ЦСПиМ, 2011. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinovsky_Obrazovanie.pdf (доступно 20.12.2015)

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 51–65.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. №5 (55). С. 7–13.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское книжное издательство, 2003.

Некlessа А. Время коротких горизонтов // Независимая газета. 26.06.2008. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (доступно 20.10.2016)

Окара А.Н. Милитократия vs. креатократия: выбор модели модернизации в современной России как социально- философская проблема // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. №4 (15). С. 253–260.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Некоммерческое партнерство «Новый Хронограф», 2008.

Примаков Е.М. Государство как главный источник инновационного развития // Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд. Московского ун-та, 2014. С. 83–98.

Пишизова С. Н. Политика как бизнес: российская версия (I–II). — Полис. 2007. № 2. С. 109–123; № 3. С. 65–77.

Пятый созыв в цифрах. URL: http://www.kosoblduma.ru/press/article/Piatyiy_sozyv_v_cifrah.html (дата обращения: 07.08.2015).

Ремизов М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. 6.04.2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (доступно 20.10.2016).

Сакаева М.М. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 3. С. 96–122.

Сафронов В. Поддержка политической системы в России: взгляды элиты и массовой публики // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 16–29; 2010. № 1. С. 23–35.

Сафронов В. Политическая культура Санкт-Петербурга: поддержка демократии элитой и массовой публикой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. СПб., 2008. №6. С. 16–29.

Сводный финансовый отчет политической партии Всероссийская политическая партия «Единая Россия». Отчетный период: 2013–2014 годы. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/EDINAYA.pdf (дата обращения: 17.03.2015).

Сводный финансовый отчет политической партии Политическая партия ЛДПР — Либерально демократическая партия России (ЛДПР). Отчетный период: 2013–2014 годы. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/LDPR.PDF (дата обращения: 17.03.2015).

Селезнев П.С. Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 4 (20). С. 13–19.

Советова О.С. Основы социальной психологии инноваций. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010.

Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии / Под ред. В.В. Вороны и Т.О. Петрушиной. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2014.

Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015.

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17). С. 88–111.

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования / Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: Культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон; пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.

Хоффманн-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в старых и новых демократиях // Политические

элиты в старых и новых демократиях: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 72–89.

Чирикова А.Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб: Интерсоцис, 2005. С. 194–222.

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: качественный состав и каналы рекрутирования // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Ред. Дука А.В. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 145–156.

Anker L., Seybold P., Schwartz M. The Ties That Bind Business and Government, in: *The Structure of Power in America: The Corporate Elite as a Ruling Class*, ed. by Schwartz M. New York: Holmes & Meier, 1987, p. 96–121.

Bass, Bernard M. Two Decades of Research and Development in Transformational Leadership, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, 8 (1), pp. 9–32.

Burns, James MacGregor. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.

Carbon C.-C., Schoormans J.P.L. Rigidity rather than age as a limiting factor in the appreciation of innovative design, *Swiss Journal of Psychology*, 2012, 71 (2), pp. 51–58.

Cassese S. Italy's Senior Civil Service: An Ossified World, in: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, p. 55–64.

Cohen M. Lawyers and Political Careers, *Law & Society Review*, 1969, 3 (4), pp. 563–574.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2015): *The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development*, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. 418 pp. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf#> (available: September 20, 2016).

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men, in: *Who Govern Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass, 2003, p. 109–142.

Dahl, Robert A. A Critique of the Ruling Elite Model, *The American Political Science Review*, 1958, 52 (2), pp. 463–469.

Dahl, Robert. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Dino R.N. Crossing Boundaries: Toward Integrating Creativity, Innovation, and Entrepreneurship Research Through Practice, *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015, 9 (2), pp. 139–146.

Dogan M. How to Become a Cabinet Minister in France: Career Pathways, 1870–1978, *Comparative Politics*, 1979, 12 (1), p. 1–25.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite configurations at the apex of power*, ed. by Dogan M. Leiden-Boston: Brill, 2003, p. 17–90.

Domhoff G.W. *Who Rules America? Power, Politics and Social Change*. New York: McGraw-Hill, 2006.

Downton, James V. *Rebel leadership: commitment and charisma in the revolutionary process* / James V. Downton, Jr. New York: Free Press, 1973.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry, *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edison, H.; Ali, N.B.; Torkar, R. Towards innovation measurement in the software industry. *Journal of Systems and Software*, 2013, 86 (5), pp. 1390–1407.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Fletcher J.F. Mass and Elite Attitudes about Wiretapping in Canada: implications for democratic theory and politics, *The Public Opinion Quarterly*, 1989, 53 (2), pp. 225–245.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change, in: *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, ed. by L.E. Harrison and S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010, p. 291–324.

Hoffmann-Lange U. Elite Research in Germany, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 201–216.

Jackman R.W. Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles, *The Journal of Politics*, 1972, 34 (3), pp. 753–773.

Kerbo H.R., Della Fave L.R. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research, *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen, *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Ladd E.C.Jr., Lipset S.M. Politics of Academic Natural Scientists and Engineers, *Science*. 1972, 176 (4039), pp. 1091–1100.

Lammers W.W., Nyomarkay J.L. The Canadian Cabinet in Comparative Perspective, *Canadian Journal of Political Science*, 1982, 15 (1), pp. 29–47.

Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944–1967, *The Western Political Quarterly*, 1970, 2 (3), pp. 564–578.

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002, in: *Who governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, p 38–108.

Martin. Transformational Leadership Guide: Definition, Qualities, Pros & Cons, Examples, Site “CLEVERISM,” August 16, 2016. URL: <https://www.cleverism.com/transformational-leadership-guide/> (available December 20, 2016).

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *The Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics, *American Political Science Review*, 1964, 58 (2), pp. 361–382.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine, *Public Opinion Quarterly*, 1995, 59 (1), pp. 1–40.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies, *British Journal of Political Science*, 1997, 27 (2), pp. 157–190.

Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes Toward Democracy and the Market, 1992–1995, *Electoral Studies*, 1998, 17 (3), pp. 327–349.

Miller W.L., Timpson A.M., Lessnoff M. *Political Culture in Contemporary Britain: People and Politicians, Principles and Practice*. Oxford, U.K.: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver T. Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality, *The International Journal of Social Quality*, 2011, 1 (2), pp. 31–49.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions, in: *The State: Critical Concepts*, ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1, p. 104–129.

Old problems, new solutions: Measuring the capacity for social innovation across the world: An Economist Intelligence Unit study. Ed. by Naka Kondo. London, 2016. 46 pp. URL: https://www.eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Social_Innovation_Index.pdf (available: December 10, 2016).

Pierce J., Delbecq A.L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Podmore D. Lawyers and Politics, *Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State, in: *Ideology in Social Science. Readings in Critical Social Theory*, ed. by Blackburn R. London: Fontana, 1972, p. 238–252.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Riesman, David. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. N.Y.: Doublday Anchor Edition, 1953.

Saint Peter L., Williams J. A. Jr., Johnson D.R. Comments on Jackman's 'Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles', *Journal of Politics*, 1977, 39 (1), pp. 176–184.

Scheuch E. The Structure of the German Elite across Regime Changes, in: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by Dogan M. Leiden, Boston: Brill, 2003, p. 91–133.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Some Thoughts on Definitions of Innovation, *The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal*, 1999, 4 (3). 8 pp. (URL: <http://www.innovation.cc/discussion-papers/thoughts-innovation.htm>, available: August 15, 2007)

Stouffer S.A. *Communism, Conformity, and Civil Liberties: A cross-section of the nation speaks its mind*. New York: Doubleday, 1955.

The Bloomberg Innovation Index. 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (available: October 18, 2016).

The U.S. — Israel Innovation Index: Comparing International Linkages in Innovation. 2016 / Developed by The US— Israel Science and Technology Foundation. 8 pp. URL: http://www.usistf.org/wp-content/uploads/2016/05/USISTF_2016_index_web.pdf (available: September 20, 2016).

REGIONAL POWER GROUPS

THE REGIONAL POWER GROUPS: MAIN SOCIO-STRUCTURAL CHARACTERISTICS AND INNOVATION POTENTIAL

A. Daugavet, A. Duka, D. Tev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>

Abstract. *The article examines the link between socio-structural characteristics of regional political and administrative elites, with their innovative potential and role in the development of society. The relevance and significance of the problem due to the need for powerful groups to respond adequately to changing circumstances (especially in crisis), and thus positively influencing the development of the region and the country. The empirical basis of the research is the biographical database of the elite persons of the ten constituent entities of the Russian Federation. The database included information about the date and place of birth, type and place of education, career path and other characteristics of 936 representatives of regional political and administrative elites. The research methodology that was used can be defined as structural-biographical. We studied the structure of the regional power elite groups in connection with the biography of their members. The analysis allowed to draw a number of conclusions relating to human capital of power persons, the possible influence of socio-structural characteristics of the regional elites in their political behavior, innovation potential and role in the functioning and development of society. Significant trends in the recruitment of power groups that were discovered are oligarchization (which is associated with the narrowing of the pool of recruitment), professionalization (which, however, is not related to their possible effectiveness) and plutocratization, which may reduce the focus on innovative development. At the same time the institutionalization of regional elites reaches high level. In general, it can be argued that the innovative capacity of the regional political-administrative elites is low. In addition, the regional differentiation of the elite community is distinctly expressed. The characteristics of the regional administrative elite are more favourable for the positive development of the regions.*

Keywords: *elite, ruling group, institutionalization of elite, innovation, innovation potential, biographies, structural and biographical analysis, recruitment, oligarchization, plutocratization.*

References

- Afanas'ev M.N. V Rossii sformirovany predstavitel'nye sobraniia praviashchikh regional'nykh grupp [Afanasiev M.N. In Russia representative assemblies of the ruling regional groups have been formed]. *Vlast'*, 1998, 2, pp. 43–45. (In Russian).
- Anisimov Ye. V. Shvedskaya model' s russkoy osobostyu: Reforma vlasti i upravleniya pri Petre Velikom [The Swedish model with Russian specialness: Reform of government and administration under Peter the Great], *Reformy i vlast'*. St. Petersburg: Izdaniye zhurnala "Zvezda", 1995, pp. 3–40. (In Russian)
- Anker L., Seybold P., Schwartz M. The Ties That Bind Business and Government, in: *The Structure of Power in America: The Corporate Elite as a Ruling Class*, ed. by Schwartz M. New York: Holmes & Meier, 1987, p. 96–121.
- Anoshkina V.L., Rezvanov S.V. Obrazovaniye. Innovatsiya. Budushchee. (Metodologicheskiye i sotsio-kul'turnye problemy) [Education. Innovation. Future. (Methodological and socio-cultural issues)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RO IPK i PRO, 2001. (In Russian)
- Aref'ev A.L., Aref'eva M.A. Ob inzhenerno-tekhnicheskom obrazovanii v Rossii. [Arefiev AL, Aref'eva MA About engineering education in Russia]. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tekhnicheskoe.pdf (available: 20.09.2014). (In Russian).
- Ashin G.K. Formy rekrutirovaniya politicheskikh elit [Forms of recruitment of political elites], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1998, 3, pp. 85–96. (In Russian)
- Bass, Bernard M. Two Decades of Research and Development in Transformational Leadership, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, 8 (1), pp. 9–32.
- Burns, James MacGregor. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.
- Buyanova S.M. Vozrast kak factor otnosheniya k innovatsiyam [Age as a factor in relation to innovation], *Ekonomicheskaya psihologiya i povedencheskaya ekonomika v usloviyakh global'nyh sotsial'nyh i ekonomicheskikh izmeneniy* [Economic psychology and behavioral Economics in the context of global social and economic change] / ed. by A.N. Lebedev. Moscow: Sputnik+, 2004, pp. 81–84. (In Russian)
- Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization], In: *Globalizatsiia v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers], ed. by Eliseeva I.I. Spb.: Nestor-Istoriia, 2008. P. 99–242. (In Russian).
- Carbon C.-C., Schoormans J.P.L. Rigidity rather than age as a limiting factor in the appreciation of innovative design, *Swiss Journal of Psychology*, 2012, 71 (2), pp. 51–58.
- Cassese S. Italy's Senior Civil Service: An Ossified World, in: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, p. 55–64.

Chirikova A.E. Regional'nye parlamenty: resursnyi potentsial i neformal'nye pravila politicheskoi igry. [Chirikova A.E. Regional Parliaments: Resource Potential and Informal Rules of Political Game], In: *Vlast' i elity v rossiiskoi transformatsii: Sb. nauchnykh statei* [Power and Elites in the Russian Transformation: A Collection of Scientific Articles], ed. by A.V. Duka. SPb: Intersotsis, 2005. P. 194–222. (In Russian).

Cohen M. Lawyers and Political Careers, *Law & Society Review*, 1969, 3 (4), pp. 563–574.

Cornell University, INSEAD, and WIPO (2015): *The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development*, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. 418 pp. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf#> (available: September 20, 2016).

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men, in: *Who Govern Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass, 2003, p. 109–142.

Dahl, Robert A. A Critique of the Ruling Elite Model, *The American Political Science Review*, 1958, 52 (2), pp. 463–469.

Dahl, Robert. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Dino R.N. Crossing Boundaries: Toward Integrating Creativity, Innovation, and Entrepreneurship Research Through Practice, *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015, 9 (2), pp. 139–146.

Dogan M. How to Become a Cabinet Minister in France: Career Pathways, 1870–1978, *Comparative Politics*, 1979, 12 (1), p. 1–25.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite configurations at the apex of power*, ed. by Dogan M. Leiden-Boston: Brill, 2003, p. 17–90.

Domhoff G.W. *Who Rules America? Power, Politics and Social Change*. New York: McGraw-Hill, 2006.

Downton, James V. *Rebel leadership: commitment and charisma in the revolutionary process* / James V. Downton, Jr. New York: Free Press, 1973.

Duka A.V. Ambitsionnye migrant i intelligentnye peterburzhtsy (differentsyatsii v regional'noy elite) [Ambitious migrants and intelligent native petersburgian (differentiation of regional elite)], Rossiyskiye vlastye instituty i elity v transformatsii [Russian government institutions and elites in transformation] / ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersitsis, 2011, pp. 285–304. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh [On the issue of militocracy: the siloviki in regional power elite], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossijskoj transformatsii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar "Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersotsis, 2012, pp. 94–120. (In Russian).

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry, *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edison, H.; Ali, N.B.; Torkar, R. Towards innovation measurement in the software industry. *Journal of Systems and Software*, 2013, 86 (5), pp. 1390–1407.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Fletcher J.F. Mass and Elite Attitudes about Wiretapping in Canada: implications for democratic theory and politics, *The Public Opinion Quarterly*, 1989, 53 (2), pp. 225–245.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gaman-Golutvina O.V. Metafizika elitnyh transformatsiy v Rossii [*Metaphysics of elite transformations in Russia*], *Polis*, 2012, 4, pp. 23–40. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Politicheskiye elity Rossii: Vехi istoricheskoy evolyutsii. [The political elites of Russia: Milestones of the historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Problema sub'yekta modernizatsii v Rossii: istoriko-kontseptual'nye aspekty i sovremennoye sostoyaniye [*The problem of the agent of modernization in Russia: historical and conceptual aspects and current state*], *Elity i lidery: traditsionalizm i novatorstvo* [Elites and leaders: traditionalism and innovation] / ed. by Ye.Yu. Sergeyev et al. Moscow: Nauka, 2007, pp. 22–38. (In Russian)

Golovin N.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii [*Theoretical and methodological basis of the study of political socialization*]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. (In Russian)

Harrison L. Yevrei, konfutsianty i protestanty: Kul'turnyy kapital i konets mul'tikulturalizma [*Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism*]. Moscow: Mysl', 2016. (In Russian)

Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change, in: *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*, ed. by L.E. Harrison and S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010, p. 291–324.

Hoffmann-Lange U. Elite Research in Germany, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 201–216.

Hoffmann-Lange U. Value orientations and support for democracy among elites and mass publics in old and new democracies, In: *Politicheskiye elity v starykh i novykh demokratiyakh* [Political elites in old and new democracies] / ed. by O.V. Gaman-Golutvina and A.P. Klemeshev. Kaliningrad: Baltic University Press, 2012, pp. 318–332.

Jackman R.W. Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles, *The Journal of Politics*, 1972, 34 (3), pp. 753–773.

Kaliningradskaia oblastnaia Duma piatogo sozyva (2011–2016). [Kaliningrad Regional Duma of the fifth convocation (2011–2016)]. URL: <http://duma39.ru/duma/index.php> (available: 06.07.2015). (In Russian).

Kashayev O.S. Usileniye innovatsionnogo potentsiala Rossii putem razvitiya administrativno- pravovogo regulirovaniya [*Strengthening the innovative capacity of Russia through the development of administrative-legal regulation*], In: Gosudarstvennoye upravlniye v XXI veke: traditsyi i innovatsii. 9-ya Mezhdunarodnaya konferentsiya (25–27 maya 2011 g.). [Public Administration in the 21st Century: Traditions and Innovations. 9th International Conference (May 25–27, 2011)]. Part 2. Moscow: Moscow University Press, 2011, pp. 358–363. (In Russian)

Kerbo H.R., Della Fave L.R. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research, *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen, *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Kisurkin A.A. Faktory, vliyayushchiye na innovatsionnoye razvitiye regiona, i ih klassifikatsiya po urovniam upravleniya [*Factors influencing the innovative development of the region, and their classification by levels of management*], *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya*, 2012, 2 [e-scientific journal | ISSN 2070-7428] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762> (available 08.10.2017). (In Russian)

Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A, Hohlushkina F.A. Obrazovaniye i zhiznennye nayeكتورii molodezhi: 1998–2008 gody [*Education and Life Trajectories of Youth: 1998 — 2008 Years*]. Moscow: TsSPiM, 2011. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinovskiy_Obrazovanie.pdf (available 20.12.2015). (In Russian)

Kryshtanovskaia O. *Anatomiia rossiiskoi elity* [Kryshtanovskaia O. Anatomy of the Russian elite]. M.: Zakharov, 2005. (In Russian). (In Russian).

Kryshtanovskaia O. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. [Kryshtanovskaia O.V. Transformation of the old nomenclature to the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian).

Ladd E.C.Jr., Lipset S.M. Politics of Academic Natural Scientists and Engineers, *Science*. 1972, 176 (4039), pp. 1091–1100.

Lammers W.W., Nyomarkay J.L. The Canadian Cabinet in Comparative Perspective, *Canadian Journal of Political Science*, 1982, 15 (1), pp. 29–47.

Lewis E.G. Social Backgrounds of French Ministers, 1944–1967, *The Western Political Quarterly*, 1970, 2 (3), pp. 564–578.

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002, in: *Who governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*, ed. by Almeida P.T., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, p 38–108.

Manheym K. Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya [*Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction*] / Transl. from English to Russian, In: Mannheim K. Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist, 1994, pp. 277–411. (In Russian).

Martin. Transformational Leadership Guide: Definition, Qualities, Pros & Cons, Examples, Site “*CLEVERISM*,” August 16, 2016. URL: <https://www.cleverism.com/transformational-leadership-guide/> (available December 20, 2016).

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *The Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics, *American Political Science Review*, 1964, 58 (2), pp. 361–382.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine, *Public Opinion Quarterly*, 1995, 59 (1), pp. 1–40.

Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies, *British Journal of Political Science*, 1997, 27 (2), pp. 157–190.

Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes Toward Democracy and the Market, 1992–1995, *Electoral Studies*, 1998, 17 (3), pp. 327–349.

Miller W.L., Timpson A.M., Lessnoff M. *Political Culture in Contemporary Britain: People and Politicians, Principles and Practice*. Oxford, U.K.: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996.

Mokhov V.P. *Regional'naia politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)*. [Mokhov V.P. The Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. (In Russian).

Neklessa A. Vremya korotkih gorizontov [*Time of the short horizons*], *Nezavisimaya gazeta*, June 26, 2008, URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html (available: October 20, 2016). (In Russian)

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oeij P.R.A., Dhondt S., Korver T. Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality, *The International Journal of Social Quality*, 2011, 1 (2), pp. 31–49.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions, in: *The State: Critical Concepts*, ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1, p. 104–129.

Okara A.N. Militokratiya vs. Kreatokratiya: vybor modeli modernizatsii v sovremennoy Rossii kak sotsyal'no-filosofskaya problema [*Militocracy vs. creatocracy*:

the choice of the model of modernization in modern Russia as a socio — philosophical problem], *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, 4, pp. 253–260. (In Russian)

Old problems, new solutions: Measuring the capacity for social innovation across the world: An Economist Intelligence Unit study. Ed. by Naka Kondo. London, 2016. 46 pp. URL: https://www.eiuperspectives.economist.com/sites/default/files/Social_Innovation_Index.pdf (available: December 10, 2016).

Piatyi sozyv v tsifrakh. [Fifth convocation in figures] URL: http://www.kosoblduma.ru/press/article/Piatyii_sozyv_v_cifrah.html (available: 07.08.2015). (In Russian).

Pierce J., Delbecq A.L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Pierce, Jon I; Delbecq, Andre L. Organization Structure, Individual Attitudes and Innovation, *The Academy of Management Review*, 1977, 2 (1), pp. 27–37.

Podmore D. Lawyers and Politics, *Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Poulantzas N. The Problem of the Capitalist State, in: *Ideology in Social Science. Readings in Critical Social Theory*, ed. by Blackburn R. London: Fontana, 1972, p. 238–252.

Primakov E.M. Gosudarstvo kak glavny istochnik innovatsionnogo razvitiya [Primakov E.M. State as the main source of the innovative development], In: Primakov E.M. Vyzovy i al'ternativy mnogopolyarnogo mira: rol' Rossii [Challenges and alternatives of multipolar world: Russia's role]. Moscow: Moscow University Press, 2014, pp. 83–98. (In Russian).

Pshizova S.N. Politika kak biznes: rossiyskaya versiya (I) [Politics as business: Russian version (I)], *Polis*, 2007, 2, pp. 109–123. (In Russian)

Pshizova S.N. Politika kak biznes: rossiyskaya versiya (II) [Politics as business: Russian version (II)], *Polis*, 2007, 3, pp. 65–77. (In Russian)

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Remizov M. Mobilizatsionnyy pakt dlya elity [Mobilization pact for elite], *Izvestiya*, 6.04.2009. URL: <https://iz.ru/news/347198> (available 20.10.2016). (In Russian)

Riesman, David. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. N.Y.: Doublday Anchor Edition, 1953.

Safronov V. Podderzhka politicheskoy sistemy v Rossii: vzglyady elity i massovoy publiky [Support for the political system in Russia: opinions of the elite and the mass public], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2009, 6, pp. 13–19; 2010, 1, pp. 23–35. (In Russian)

Safronov V. Politicheskaya kul'tura Sankt-Peterburga: podderzhka demokratii elitoy i massovoy publikoy [*The political culture of St. Petersburg: support for democracy by elites and the mass public*], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2008, 6, pp. 16–29. (In Russian)

Saint Peter L., Williams J. A. Jr., Johnson D.R. Comments on Jackman's 'Political Elites, Mass Publics, and Support for Democratic Principles', *Journal of Politics*, 1977, 39 (1), pp. 176–184.

Sakaeva M.M. Parlament kak «okno vozmozhnostei»: issledovanie povedeniia predprinimatelei s deputatskim mandatom v khode realizatsii rynochnykh interesov. [Sakaeva M.M. Parliament as a “window of opportunity”: a study of the behavior of entrepreneurs with a deputy mandate in the implementation of market interests]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2012, 13 (3), pp. 96–122. (In Russian).

Scheuch E. The Structure of the German Elite across Regime Changes, in: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by Dogan M. Leiden, Boston: Brill, 2003, p. 91–133.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Seleznev P.S. Elity kak initsiatory innovatsiy v sovremennom mire (na primere Rossiyskoy Federatsii) [*Elite as the initiators of innovation in the modern world (The Russian Federation case)*], *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2015, 4, pp. 13–19. (In Russian)

Shentiakova A.V. Politicheskaya i administrativnaya elita: kachestvennyi sostav i kanaly rekrutirovaniia. [Shentyakova A.V. Political and administrative elite: qualitative composition and channels of recruitment], In: *Rossiiskie vlastnye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiiskogo seminara «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoi transformatsii»* [Russian Power Institutions and Elites in Transformation: Proceedings of the 8th All-Russian Seminar “Sociological Problems of Institutions of Power in the Conditions of Russian Transformation”], ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2011. P. 145–156. (In Russian).

Some Thoughts on Definitions of Innovation, *The Innovation Journal: The Public Sector Innovation Journal*, 1999, 4 (3). 8 pp. (URL: <http://www.innovation.cc/discussion-papers/thoughts-innovation.htm>, available: August 15, 2007)

Sotsyal'nyy potentsyal innovatsionnogo razvitiya ekonomiki: ukrainskiye realii [*Social potential of the innovative development of economy: the Ukrainian realities*], ed. by V.V. Vorona and T.O. Petrushina. Kyiv: Institute of Sociology NAS of Ukraine, 2014. (In Russian)

Sovetova O.S. Osnovy sotsyal'noy psikhologii innovatsiy [*Fundamentals of social psychology of innovation*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2010. (In Russian)

Stouffer S.A. *Communism, Conformity, and Civil Liberties: A cross-section of the nation speaks its mind*. New York: Doubleday, 1955.

Sungurov A.Yu. Kak voznikayut politicheskiye innovatsii: “fabriki mysli” i drugie instituty-mediatory [*How emerge political innovations: “think tanks” and other institutions the mediators*], Moscow: ROSSPEN, 2015. (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii Politicheskaiia partiia LDPR — Liberal'no demokraticheskaia partiia Rossii (LDPR). Otchetnyi period: 2013–2014 gody. [Consolidated financial report of a political party The political party of the LDPR is the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR). Reporting period: 2013–2014] URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/LDPR. PDF (available: 17.03.2015). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii Vserossiiskaia politicheskaiia partiia «Edinaia Rossiia». Otchetnyi period: 2013–2014 gody. [Consolidated financial report of the political party All-Russian political party “United Russia”. Reporting period: 2013–2014]. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_14/EDINAYA.pdf (available: 17.03.2015). (In Russian).

Tev D.B. Partii «vtorogo eshelona» v regional'nykh parlamentakh: osobennosti basseina rekrutirovaniia deputatov KPRF, Spravedlivoi Rossii i LDPR. [Tev D.B. The parties of the “second echelon” in regional parliaments: features of the pool of recruitment of the deputies of KPRF, A Just Russia and the LDPR], *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Politologiya»*, 2012, 1 (17), pp. 88–111. (In Russian).

Tev D.B. Regional'ny deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'ny analiz bassejna rekrutirovaniia parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR. [Tev D.B. The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: Materialy desyatogo Vserossijskogo seminara «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviiah rossijskoj transformacii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersocis, 2012. P. 52–75. (In Russian).

The Bloomberg Innovation Index. 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (available: October 18, 2016).

The U.S. — Israel Innovation Index: Comparing International Linkages in Innovation. 2016 / Developed by The US— Israel Science and Technology Foundation. 8 pp. URL: http://www.usistf.org/wp-content/uploads/2016/05/USISTF_2016_index_web.pdf (available: September 20, 2016).

V Mosgordume na postoiannoii osnove budut rabotať 18 deputatov. [In the Moscow City Duma on a permanent basis will work 18 deputies]. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949992433221> (available: 23.09.2014). (In Russian).

V zaksobranii Lenoblasti otkazalis' sokrashchat' chislo parlamentariev, poluchaiushchikh zarplatu [In the Legislative Assembly, the Leningrad Oblast refused to reduce the number of parliamentarians who receive salaries]. URL: <http://tass.ru/politika/2005154> (available: 29.05.2015). (In Russian).

Volkova A. Reiting pravovykh gosudarstv: Rossiia provalilas' po vsem pokazateliam. [Volkova A. Rating of legal states: Russia has failed on all indicators]. URL:

<http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (available: 20.12.2012). (In Russian).

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshantovskaia O.V. Rossiiskii isteblishment: puti i metody obnovleniia [Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshantovskaya O.V. The Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis*, 2011, 1, pp. 66–79.

Vypusk spetsialistov gosudarstvennymi vysshimi uchebnymi zavedeniiami po gruppam spetsial'nostei (tysiach chelovek), do 2006 goda vkluchitel'no [Graduation of specialists by state higher educational institutions by groups of specialties (thousand people), until 2006 inclusive], In, Statistika rossiiskogo obrazovaniia. [Statistics of Russian education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_17&ttype=2&Field=All (available: 17.06.2013). (In Russian).

Vypusk spetsialistov negosudarstvennymi vysshimi uchebnymi zavedeniiami po gruppam spetsial'nostei (tysiach chelovek) [Graduation of specialists by non-state higher educational institutions by groups of specialties (thousands)] (2014), In: Statistika rossiiskogo obrazovaniia. [Statistics of Russian education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_18&ttype=2&Field=All (available: 18.09.2014). (In Russian).

Zakon Respubliki Dagestan ot 13 iuliia 1995 goda N 1 «O statuse deputata Narodnogo sobraniia Respubliki Dagestan» (s izmeneniiami na: 12.01.2015). [Law of the Republic of Dagestan of July 13, 1995 No. 1 “On the status of a deputy of the People’s Assembly of the Republic of Dagestan” (as amended on: 12.01.2015)]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037539> (available: 06.07.2015). (In Russian).

Zakonodatel'naia Duma Khabarovskogo kraia. [The Legislative Duma of the Khabarovsk Krai] URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256> (available: 09.08.2015). (In Russian).